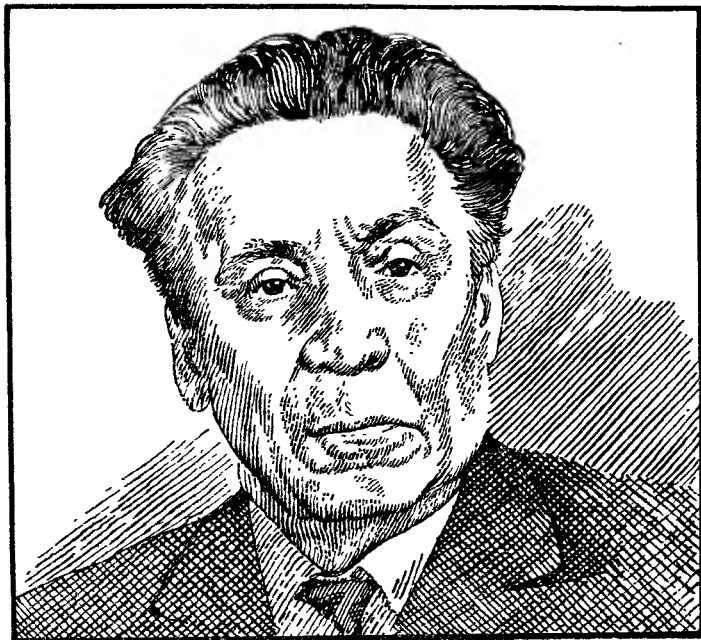

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

АЛЕКСЕЙ ЮГОВ ОТВАЖНОЕ СЕРДЦЕ

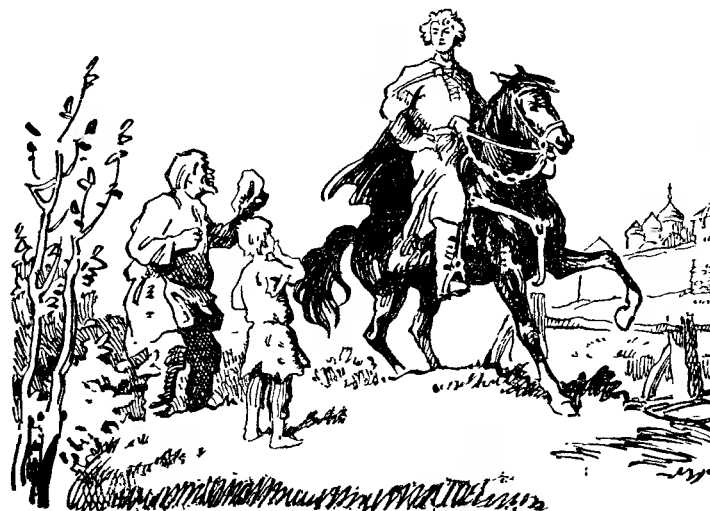
Алексей Югов

АЛЕКСЕЙ ЮГОВ

ОТВАЖНОЕ СЕРДЦЕ

Историческая повесть

Москва
«Детская литература»
1984

Рисунки Б. Шахова

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

То, о чём рассказано в этой книге, было очень-очень давно: свыше семисот лет назад, в страшные для русского народа времена — во времена монголо-татарского нашествия на Русь.

Было на исходе знойное лето 1250 года. Яркое солнце щедро сияло над скорбным городом Владимиром, где ещё немало чернелось пустырей и развалин от недавно минувшего нашествия татарской орды.

Речка Клязьма как ни в чём не бывало вилась и сверкала под горою в зелёной, сочной луговине. И ребятишки, как в добрые времена, купались, брызгались и звонко перекликались между собою на отмели возле большого деревянного моста в город. Иные из них прямо из речки кидались на

Югов А. К.

Ю15 Отважное сердце: Историческая повесть / Рис. Б. Шахова. — Переизд. — М.: Дет. лит., 1984. — 111 с., ил. — (Школьная б-ка).

35 к.

Историческая повесть о событиях, происходивших на Руси в XIII веке во времена княжения Александра Невского. В центре повести — судьба мальчика Гриньки.

Ю 4803010102—070 444—84
M101(03)84.

P2

горячий песок и, вывалившись в нём, грелись на солнышке.

Один только мальчик не купался. Он сидел отдельно от всех на противоположном, низком берегу, на жердяном поперечном затворе, что закрывал въезд на мост. С виду он казался не старше восьми лет, худенький, белобрысый, взъерошенный. Лицо у него было измождённое, однако живое и сметливое. Он был босой, ножонки в цыпках. Одет в рваную, выцветшую рубашку с пояском и в жёсткие — трубами — штаны из голубой в синюю полоску пестряди.

Вот он сидит на мостовом затворе, заграждающем мост, болтает босыми ногами и подставляет солнышку то одно, то другое плечо. Время от времени встаёт на жердину и всматривается в даль просёлочной дороги.

— Дяденька Акиндин, возы хотят через мост проезжать! — кричит он куда-то вниз, в тень большой, раскидистой ветлы возле самого моста.

Грубый ленивый голос отзывается ему из-под берега:

— Чего орёшь? Рыбу хочешь распугать?.. Не первый день сидишь у меня на мосту, сам должен знать: бери с проезжих мостовое — вот и всё твоё дело. А отдадут за проезд — подымай жердину, и пускай проезжают...

Мальчик подбегает к остановившимся возам. Хозяева возов платят ему за проезд. Вместо денег идёт беличья шкурка с головкой и коготками — мордка. Хозяин моста строго-настрого запретил Гриньке — так зовут мальчика — принимать старые, истрепавшиеся шкурки, а требует, чтобы платили совсем новыми.

— Отдали! — кричит Гринька хозяину.

Акиндин Чернобай — богатый купчина, ростовщик и содержатель моста через Клязьму, жирный, сырой мужчина средних лет, тёмный с лица, с заплывшими глазками, — сидя в холодке под ветлою, лениво поднимает правую руку и тянет снизу за верёвку. Верёвка эта болтается над его плечом. Мостовой затвор там, наверху, медленно поднимается, как колодезный журавль, и возы проезжают через мост. Но Чернобай даже и глазом не ведёт. Он по-прежнему неотрывно глядит на воду; влажный песок берега возле мостовщика весь утыкан удилищами, и Чернобаю надо следить за поплавками: не клюёт ли?..

Гринька мчится и передаёт своему злому хозяину проездное.

Сегодня воскресенье, и только потому купец и сидит сам возле моста: Акиндин Чернобай решил потешиться рыбной ловлей. А так вовсе не от мостовых сборов богатеет купчина...

Ещё покойный князь Ярослав Всеволодич, отец и великого князя Владимирского Андрея и Александра Невского, что княжит в Новгороде, обогатил Чернобая. Старый князь запродавал купцу и весь хмель в окрестных лесах, и ловы бобровые, да в придачу ещё и мостовой сбор на Клязьме. А без хмеля как жить крестьянину? Ведь и тесто не взойдёт, если горстку хмеля не кинет хозяйка в квашонку. И вот когда приходило время крестьянам драть хмель в лесах, то пойдя сперва поклонись купцу Чернобаю да заплати ему, а то приказчики его и в хмельники тебя не пустят. А давно ли ещё хмель весь был общественный!

Худо стало и охотнику-зверолову.

Уж не знают мужики, куда и податься от такого житья. Многие стали в дальние северные ле-

са уходить: там, в глухих дебрях лесных, и татарские начальники — баскаки, — да и княжеские приказчики — тиуны — долго ещё не отыщут.

А то ведь и княжеские поборы одолели, и на татарина дань князья требуют, и на церковь плати, а тут ещё и Чернобаю подавай!

Были и другие недобрые доходы у купца Чернобая: он отдавал свои деньги в долг обедневшим людям. А после того, как придёт срок платить, в три раза больше сдирал с должника. А коли не уплатишь, то забирал к себе в холопы: отработывай!

По воскресеньям любил Акиндин Чернобай сам получать мостовое. Большая кожаная сумка с медной застёжкой и сейчас висела у него на боку.

Иной раз проезжающий отстранял Гриньку — не хотел платить. Тут, заслышав такое, словно жирный паук-мизгирь, почуявший муху в своей паутине, выбегал из-под моста Чернобай.

И тогда — горе жертве!

Простые владимирские горожане и окрестные пахари-смерды, везущие во Владимир хлеб и овощи на продажу или что другое, — те и не пытались спорить с купцом-мостовщиком. Они боялись его. «Змий, чисто змий!» — горестно говорили они о Чернобае.

Безмолвно, с тяжёлым вздохом отдавали они ему за проезд из любого товара, отдавали с лихвой. А проехав мост и не вдруг-то надев шапчонку, нет-нет да и оглядывались и принимались хлестать кнутом изребрившиеся, тёмные от пота бока своих лошадей.

Если кто пытался миновать мост и незаконно

проехать бродом, того Чернобай останавливал и возвращал. С багровым, потным лицом, поклёванным оспой, вразвалку приближался он к возу бедняги и, опершись о грядку телеги, кричал тонким, нечистым, словно у молодого петуха, голоском:

— Что, провинился, дружок?.. Теперь плати, трясина кошель!

Если крестьянин упирался, то Акиндин Чернобай тащил его с воза. Да ещё и кулаком ударит в лицо...

Но так как сживал он возле моста лишь по праздникам, то решил принять меры, чтобы и без него никто не смел переезжать речку бродом. И вот какое лихое дело измыслил купчина. Приказал он своим работникам утыкать всё дно и справа и слева от моста острыми обломками кос и серпов.

Сколько лошадей перепортили из-за него мужики!

Один раз крестьяне сбросили его с моста в Клязьму. Он выплыл.

Пьяный, бахвалился Чернобай:

«Мне княжеской дворецкой — кум. Он у меня дитя крестил... У меня многие сыны боярские в долгу. А платить им нечем. Охо-хо-хо! Да и сам великий князь Андрей свет Ярославич знает меня, худого! Ну, а не поладим мы с князем, то я не гордец, подамся в Новгород Великий. И там меня, убогого, знают. Меня и там в купцы запишут».

...К мосту через Клязьму близился высокий, могучий всадник на статном вороном коне с жёлтыми подпалинами. Всадник был в красном шёлковом плаще с золотыми разводами, без головно-

го убора, в сафьяновых зелёных сапогах с загнутыми носками.

Весь его облик был исполнен высокой, резкой и мужественной красоты. Волнистые светлые, золотого отлива волосы откинута назад. Глаза большие, грозно-голубые, с длинными чёрными ресницами. По виду он только что вступил в пору первого мужества. Небольшая русая борода опушала его подбородок. Щёки сквозь загар пылали алым румянцем.

Изредка всадник привставал на стременах и бросал взгляд назад: далеко отстав, за ним мчалась его свита — несколько конников в сверкающих на солнце кольчугах и шлемах и несколько человек в богатых плащах.

Город всё близился, раздвигался, крупнел. На своём высоком, крутояром берегу столица Северной Руси похожа была издали на огромный белый и золотой мыс, испещрённый синими, алыми и лазоревыми пятнами.

Белой и золотой была широкая и возвышенная часть мыса, а идущий книзу его угол был тёмным и почти совсем лишён белых и золотых пятен.

Белое — это башни и стены кремля, храмов, монастырей. Золотое — кресты и купола церквей и обитые золочёной медью гребенчатые кровли княжеских палат и боярских теремов. Эта часть Владимира называлась Верхний город, Гора, Кремль.

Тёмным же углом исполинского мыса виднелся издали совсем не ограждённый стенами городской посад. Здесь обитали ремесленники, владимирские огородники да пригородные крестьяне монастырских и боярских земель.

Теперь могучий всадник вместе со своим конём казался против города не больше макового зёрнышка...

Вот на той стороне, у подошвы крутого откоса, на зелёной кайме приречья хорошо стали различимы сизые большие, словно кованные, кочаны капусты, гогочущие раскормленные гуси и даже яркие разводы и узоры на платках и сарафанах женщин, работающих на огороде.

Через Клязьму слышны стали звонкие, окающие и словно бы где-то в лесу перекликавшиеся голоса огородниц.

Вот и мост. Витязь попридержал коня. С седла ему стало видно, что мост худой: конь может оступиться. Всадник нахмурил брови и покачал головой. Потом спешился и взял коня под уздцы.

Мостовой затвор был опущен и преграждал въезд. Витязь остановился в недоумении: ведь вот как будто только что сидел тут похожий на воробышка малец, сидел на этой самой перекладине, и вдруг как ветром его сдуло!

А между тем внизу, под ветлою, происходило вот что. Когда Гринька завидел всадника, то сразу понял, что это едет кто-то из знатных. А потом и признал его. Да и как было не признать, когда столько раз, бывало, глазел мальчуган на этого человека в его частые приезды во Владимир, жадно смотрел на него вместе с другими ребятами, уцепясь где-либо за конёк крыши или с дерева! Стремглав ринулся Гринька с моста под берег, прямо к хозяину, дремавшему над своими удочками. С разбегу малец чуть не сшиб купца в воду.

— Дяденька Акиндин! Отворяй мост скорее! — задыхаясь, выкрикнул он.

Купчина вздрогнул и открыл глаза.

— Ты что, Гришка? — вскричал он. — Ох ты, леший проклятый! Ты мне всю рыбу распугал, весь клёв испортил!

Акиндин Чернобай грузно привстал, ухватясь за плечо мальчугана, да ему же, бедняге, и сунул кулаком в лицо. Гринька дёрнул головою, всхлипнул и облился кровью. Кричать он не закричал: он знал, что за это ещё хуже будет. У него даже хватило соображения отодвинуться от хозяина, чтобы как-нибудь не окапать кровью, текущей из носу, белую чесучовую рубаху Акиндина. Гринька, пошатываясь, подошёл к воде и склонился над ней. Вода возле берега побурела от крови.

Чернобай неторопливо охлопал от песка широкие, заправленные в голенища штаны, поправил шерстяной вязаный поясок на пузе и вдруг сцапал руку Гриньки и разжал её: никакой выручки у мальчика не было. Тогда хозяин ещё больше рассвирепел.

Но только он открыл рот для ругани, как сверху, с моста, послышался страшный треск ломаемой жерди, и в тот же миг и сама толстенная мостовая затворина со свистом прорезала воздух и шлёпнулась в Клязьму. Во все стороны полетели брызги. Купца охлестнуло водой.

С грозно-невнятным рёвом: «А-а!» — Акиндин Чернобай кинулся на расправу.

Проезжий был уже снова в седле.

Не видя всадника в лицо, остервеневший мостовщик сзади схватил его за стременной ремень и рванул к себе стремя.

Рванул... и оцепенел: он узнал князя.

Долгие навыки пресмыкания перед князьями

и боярами подсказали рукам Чернобая совсем другое движение: он якобы не стремя схватил, а обнял ногу всадника.

— Князь!.. Александр Ярославич!.. Прости... обознался! — забормотал он, елозя и прижимаясь потной, красной рожой к запылённому сафьяну княжеского сапога.

Александр Ярославич молчал. Он только сделал движение ногой, чтобы высвободить её из объятий мостовщика. Тот отпустил сапог и рука-ми рубахи отёр лицо.

— Подойди! — негромко произнёс князь.

Этот голос многие знали в народе. В битвах и на вече¹ народном голос Александра Невского звучал, как труба. Он перекрывал гул и рёв сражений...

Купец мигом подскочил к самой гриве коня и выбодрился перед очами князя.

Обрубистые, жирные пальцы Чернобая дрожали, суетливо оправляя поясок и шёлковую длинную рубаху.

— Что же ты, голубок, мосты городские столь беспутно содержишь? — громко спросил Александр.

— Я... я... я... — забормотал, заикаясь, Акиндин.

Князь указал ему взглядом на изъяны моста:

— Проломы в мосту... Тебя что, губить народ здесь поставили? А?

Голос князя нарастал.

Чернобай, всё ещё не в силах совладать со своим языком, бормотал всё одно и то же:

— Брёвен нет, свай... свай мне везут, свай...

¹ Вече — народные сходы, собрания в Древней Руси.

— Сваи?! — вдруг всем голосом налёг на него Александр.— Да ты паршивец!.. Дармоед!.. Да ежели утре не будет у тебя всё, как должно, то я тебя, утроба, самого по самые уши в землю вобью... как сваю...

При этом витязь слегка покачнул над передней лукой седла крепко стиснутым кулаком. Чернобай похолодел от страха. Ему невольно подумалось, что, пожалуй, кулак этого князя и впрямь может вогнать его в землю, как сваю.

Лицо у купца ещё больше побагровело. Губы стали синими. Он храпнул. Судорожным движением руки оторвал пуговицы душившего его ворота рубахи...

Не глядя больше в его сторону, Ярославич позвал к себе мальчугана. Гринька уже успел унять кровь из расшибленного носа, заткнув обе ноздри кусками лопуха. Услыхав голос князя, он выскочил из-под берега. Вид его был жалок и забавен.

Александр Ярославич улыбнулся.

— Ты чей? — спросил он мальчика.

— Я Настасьин, — отвечал глухим голосом Гринька, ибо лопухи ещё торчали у него в носу.

— Да как же так — Настасьин? Отца у тебя как звали?

— Отца не было.

— Ну, знаешь... Да этакого и не бывает! — И князь развёл руками.— А звать тебя Григорий?

— Гринька.

— А сколько тебе лет?

Этого вопроса мальчуган не понял.

Тогда князь переспросил иначе:

— По которой весне?

— По десятой.

Александр Ярославич удивился:

— А я думал, тебе лет семь, от силы — восемь. Что ж ты так лениво рос? Да и худой какой!

Гринька молчал.

— А чего ж ты это лопухом ноздри себе заткнул? — спросил князь и слегка приподнял ему подбородок.— Вот и голос у тебя невнятный...

Мальчик смутился.

— Ну? — повторил свой вопрос Александр.

— Лопухи эти кровь останавливают, — отвечал наконец Гринька.

— Ишь ты! — произнёс с оттенком изумления князь Александр.— А в какой же это ты битве кровь свою пролил, а?

Мальчуган опустил голову: грозный хозяин стоял тут, рядом, и всё мог услышать. Гринька молчал. Слёзы стали наполнять ему глаза.

— Ну, это, брат, никуда не годится! — голосом, дрогнувшим от жалости, проговорил Александр Ярославич.— Воину плакать? В битве мало ли что может случиться!

— Ударили меня, — пробормотал еле слышно Гринька.

— Так... Ну, а ты телёнок, что ли? И ты бы его ударил!

В ответ на эти слова князя Гринька только отрицательно потряс головой и ничего, ничего не сказал.

Князь всё понял и так. Да и слышал он, как Чернобай орал на мальчика.

— Вон оно что... — молвил Александр и с суровым презрением покосился на Чернобая. За-

тем вновь обратился к Гриньке: — Ну вот что, Григорий: ты на коне ездить любишь?

— Люблю.

— А воевать любишь?

— Тоже люблю.

— А умеешь?

— Умею...— И лицо у мальчугана повеселело. Он вынул из носа лопухи и отшвырнул их.— Прошло, не каплет! — бодрым голосом сказал он.

— Это хорошо,— сказал Невский.— Только знаешь: кто воевать любит да умеет, так тот уж так ладит, чтобы не у него из носу кровь, а у кого другого!

Мальчик покраснел.

— Да ведь он хозяин...— смущённо и угрюмо отвечал он.

— Вот то-то и беда, что хозяин! — сказал Александр.— Доброму ты здесь ничему не научишься... А ко мне пойдёшь, Настасьин?—вдруг добродушно-грозным голосом спросил он.

— К тебе пойду! — не задумавшись, ответил Гринька.

Невский удивился.

— Да ты что же, знаешь меня? — спросил он.

— Знаю.

— Ну, а кто я?

Лицо мальчугана расплылось в лукаво-блаженной улыбке.

— Ты, Невшкой,— по-детски шепелявя, произнёс он.

Ярославич расхохотался.

— Ах ты, опёнок! — воскликнул он, довольный ответом мальчугана. И вдруг решительно приказал: — А ну садись!

Вздвогнув от внезапности, Гринька спросил растерянно:

— Куда... садись?

— Куда? Да на коня, за седло... А ну, дай помогу!

И Александр Ярославич протянул было вниз левую руку. Однако опоздал. Быстрее, чем белка на ствол ели, Настасьин, слегка лишь придерживавшись за голенище княжеского сапога, мигом вскарабкался на вороного и уселся верхом позади седельной луки.

— Держись за плащ! — приказал ему Невский.— Удержишься?

Но у того уж голосишко перехватило, и он смог только мотнуть головой. Невский почувствовал, как в его спину колотится маленькое сердце.

Александр тронул коня.

Когда уже прогремел под копытами мост, когда уже всадник был далеко, Чернобай, всё ещё стоявший с запрокинутой головой, распрямылся и с неистовой злобой глянул вслед Александру.

— Ужо сочтёмся, князь! — с угрозой прогудел он.— Погоди, Олександр Ярославич, скоро доведёт бог и твоей крови княжеской повыцедить!..

ГЛАВА ВТОРАЯ

Великий князь Владимирский Андрей Ярославич, родной брат Невского, моложе его двумя годами, стоял на солнышке посреди огромного благоустроенного псарного двора, окружённый свитой, псарями и сокольничими.

Это был ещё молодой человек, не достигший и тридцати. Снеговой белизны сорочка с распахну-

тым на смуглой, крепкой груди воротом, заправленная под синие узорные шаровары, лёгкие, лимонного цвета сапожки — весь этот домашний наряд ещё больше молодил князя. От его тёмных вислых усиков, от резкого, тщательно выбритого подбородка веяло удачью и стремительностью.

Андрей Ярославич гневался. Перед ним смиренно, без шапки стоял старый ловчий, правитель всей княжеской охоты.

— Обучать собаку надо голодную! — бешено кричал на него князь.

Старик ловчий даже и не пытался оправдываться:

— Проступился, княже, прости!

Но великий князь Владимирский сегодня что-то долго не унимался. По этому крику да по невёрстой походке Андрея Ярославича слуги и псаря уже знали, что князь, опохмеляясь утром после вчерашней попойки, хватил лишнего.

Безмолвно ступала за князем свита: двое нарядных мальчиков, так называемые меченоши, и пять-шесть знатнейших бояр, по возрасту ещё молодых, но которых князь приблизил к себе единственно за то, что они хорошо знали соколиную и псовую охоту.

За это горожане владимирские открыто, на площадях, порицали великого князя.

«Нет,— говорили они,— хотя и родной брат он князю Невскому, а, выходит, далеко не родня! Видно, хоть два яблока и с одной яблони упадут, а далеко друг от дружки откатываются!.. Александр Ярославич — тот о русской земле радеет, о нас, о бедном люде, помнит. А этому только бы пьянствовать, гортань свой тешить да с псами да с соколами по лесам рыскать. Мимоходный!» —

так и горестно и насмешливо говорили в народе о великом князе Владимирском. И это прозвище — Мимоходный — утвердилось за ним.

...Князь шествовал по своей псарне.

Собаки — борзые и гончие, старые и молодые, всех шерстей, статей и кличек — одни лежали, другие расхаживали, третьи клацали зубами, выбирая блох. Слышалось лаканье и чавканье. Плескался разливаемый по корытам корм.

Андрей Ярославич внезапно остановился. Князю почудилось, что от жидкой болтушки, которую только что разлил собакам молодой парень — так называемый корытничий, — исходит пар: значит, болтушка не остужена?

Великий князь Владимирский соизволил обмакнуть палец в самое месиво и тотчас же с ругательством отскочил от корыта. Лицо князя даже и сквозь смуглоту побагровело.

— Что творите?! — неистово заорал он. — Я вам носы велю урезать, мерзавцы!

Один из отроков подбежал и поспешно, но бережно отёр княжеский палец шёлковым платком.

— Что же вы, негодяи,— продолжал кричать князь,— али вы не знаете, что от горячей пищи у собаки желудок портится и чутьё?!

Старый хитрец ловчий понял, что дело сегодня может окончиться плохо и для него и для многих. Он подал многозначительный знак одному из псарей.

И тот с почтительным поклоном поднёс князю широкую, отлогую корзину, обтянутую изнутри белым полотном поверх толстой подстилки. В корзине играли и барахтались брыластые¹,

¹ Брыластыи — с большими отвислыми губами (о собаке).

упитанные, с лоснящейся шерстью, крупнопятнистые щенки. При одном взгляде на них сердце великого князя отошло.

— Ох ты, ох ты!.. — вырвалось у него.

Андрею подсунули низенький ременчатый складной стулец, и он, присев, склонился над корзиной со щенками.

Он то подсвистывал им и прищёлкивал пальцами, то запускал обе руки до самого дна и, опрокидывая то одного, то другого щенка кверху жемчужно-розовым пузом, принимался рассматривать их, оценивать и распределять.

Вдруг над самым ухом князя Андрея послышался шёпот одного из отроков:

— Князь, оглянись...

Андрей Ярославич поднял голову... и обомлел: шагах в десяти от него, ярко освещённый солнцем, стоял брат Александр.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Невский улыбался, глядя на брата.

Словно дуновение испуга пробежало вдруг по лицам всех тех, кто окружал князя Андрея. Да, пожалуй, испугался и сам Андрей Ярославич. Он побаивался-таки старшего брата. А между тем по княжению Александр Невский обязан был подчиняться Андрею, потому что ему, а не Александру, татарский хан Батый отдал ярлык на великое княжество Владимирское.

Русь после нашествия хана Батыя принуждена была платить дань татарам. И татарские ханы определяли, кому быть старшим князем на Руси. Александру Невскому они опасались от-

дать великое княжение. Они знали, что он, ещё будучи юношей, разгромил и шведских и немецких рыцарей, знали, что он умён и храбр, а потому боялись, что, став главным князем во всей Северной и Восточной Руси, Невский слишком усилится и начнёт поднимать русских против Орды.

Александру пришлось уехать на княжение далеко — в Новгород-на-Волхове. Татары прогнали бы его и оттуда, но Новгород Великий не признавал ещё татарской власти. Он уцелел в 1238 году от страшного Батыева нашествия. Татарам не удалось пробиться тогда сквозь тысячевёрстные густые леса, сквозь гиблые топи и болота.

Однако в одном Новгороде Невский всё равно не смог бы собрать большое войско против татар. Там правили богатые купцы и бояре. Князей они приглашали только в качестве военачальников. Если же князь пытался захватить власть, они его выгоняли с княжения.

Так было неоднократно и с Александром Невским. Татары знали про это. Знали они и про то, что немцы и шведы тучей нависают над Новгородом. Стоит Невскому подняться против татар, как сейчас же шведские, немецкие, датские рыцари двинут на Новгород своё огромное войско.

Вот почему татарский хан Батый и его брат Берке спокойно смотрели на то, что Александр Невский княжит в Новгороде.

Когда же Александр, властный и крутой, ссорился крепко с боярами новгородскими и они отнимали у него княжение, он уходил в своё маленькое княжество — в Переславль-Залесский. А тогда уж он и вовсе не мог поднять большую

военную силу против татар: маленький удельный князёк на Владимирщине, под рукой у брата Андрея!

И всё ж таки Андрей побаивался грозного Александра. По древним русским обычаям, младший брат обязан был повиноваться старшему брату, как повиновался отцу. Так и говорили: «Старший брат — в отца место!»

— Саша?! — растерянно, но в то же время и радостно вскричал князь Владимирский и выронил шенка из рук на дно корзины. Тот только пискнул.

Андрей Ярославич поднялся на ноги и подставил одному из слуг-отроков левое плечо. Отрок накинул ему княжеский плащ.

Однако застегнуть самому пряжку плаща Андрею никак не удавалось: руки тряслись.

Заметив это и сразу же догадавшись, что братец его опять под хмельком, Невский произнёс и добродушно и насмешливо:

— Да полно тебе! Не смущайся: ведь на работе же застаю, на деле...

Оторопь у Андрея прошла. Он раскрыл объятия.

— Саша, милый мой! — вскричал он. — Свет ты очей моих!.. Прости, что не в хоробах принимаю тебя...

— Давно бы так! — отвечал Невский. — Давай же наконец поцелуемся.

Братья обнялись и троекратно поцеловались. От Андрея пахло вином. Невский сурово глянул брату в глаза. Тот несколько суетливо старался отвлечь брата. Взгляд его остановился на Гриньке. Мальчик, оробевший, растерянный, стоял позади Александра Ярославича.

— А это что у тебя за оруженосец новый? — удивлённо и с явной насмешкой над жалким видом Гриньки спросил князь Андрей.

— А! — И Александр на мгновение оборотился к мальчугану и ободряюще глянул на него: не трусь, дескать!

Жалобная улыбка появилась на лице у Настасьина.

— Ещё и какой будет оруженосец! — ответил, рассмеявшись, Невский. — Он воевать любит.

Андрей расхохотался.

— Воевать — дело доброе, мужское, — сказал он. — А только что ж ты этого витязя столь худо одел?

От этой грубой шутки князя Гринька чуть не заплакал. Княжеская челядь так и воззрилась на него. Настасьин потупил голову. Ещё немного — и слёзы хлынули бы из его глаз.

Вдруг он почувствовал, как отечески ласково на его голову легла сильная, мужественная рука. Гринька глянул вверх из-под этой ладони, не смея шевельнуть головой, и увидел, что это Александр Ярославич. Вслед за тем послышался добродушно-густой голос Александра:

— Да, пожалуй, одет мой воин небогато. Ну ничего: одёжу богатую он в боях добудет.

Тем временем Андрей Ярославич подозвал к себе одного из пышно одетых своих отроков, того, что был ростом поменьше, и что-то негромко сказал ему.

Отрок отошёл в сторонку, а вскоре уже стоял перед Настасьиным, держа на вытянутых руках свой золотом расшитый кафтанчик. Настасьин отодвинулся от него. Тот повёл головой, показы-

вая, что надо, дескать, надеть, что такова воля князя Андрея.

Гринька вскинулся, сверкнул глазами.

— Не хочу я ходить в чужой одежде! — выкрикнул он, закрыл ручонками лицо и заревел.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Невский приехал во Владимир по очень важному государственному делу. И в то же время это было дело семейное: Невский задумал женить вдового брата Андрея на дочери могущественного князя всей Карпатской Руси — Даниила Романовича. Звали эту княжну Аглая Дубравка.

Во времена татарского нашествия Русь состояла из множества отдельных княжеств. Княжества эти были плохо связаны между собой, а князья враждовали и воевали друг с другом. Поэтому и не выстояла Русь против татарского нашествия.

Когда же утвердилось татарское иго, то Батый и Берке уже не позволяли русским князьям соединять свои силы. Они зорко следили за этим.

Татары сразу поняли, что через женитьбу князя Андрея на княжне Дубравке Карпатская Русь, в лице Даниила, и Владимиро-Суздальская Русь, в лице Андрея и Александра, как бы вступают в тайный союз.

Запретить этот брак ханы не могли: русские князья хотя и были данниками Орды — возили туда слитки серебра и драгоценные меха, — но в своих семейных, междукняжеских, делах были свободны.

Однако страшный гнев овладел ханом Баты-

ем, когда он узнал о предстоящей свадьбе Андрея и Дубравки. Уже одряхлевший в то время Батый даже заболел от гнева и слёг. Люто ненавидевший русских, хан Берке всячески разжигал гнев своего старшего брата против Андрея и Александра. Он подбивал Батыя немедленно двинуть татарское карательное войско на Владимир. Однако Батый побоялся сделать это: как раз в то время волжскому татарскому царству грозила трудная война с другими татарскими царствами — в Персии и на Кавказе. Поэтому Батый страшился новым военным вторжением ожесточить русский народ. Он отказался послать карательное войско против князя Андрея.

— Пусть свершится эта свадьба! — сказал старый хан. — Но мы будем бдительны.

Тогда коварный и злобный Берке тайно снарядил во Владимир своего племянника Чагана во главе большого отряда. Он приказал Чагану всячески выискивать проступки и провинности князя Андрея против татар.

Ночью, в глубокой тайне, старый Берке принял в своей кибитке Чагана. Они сидели, поджав по-татарски ноги, на ковровых подушках, пожирая жирный бараний плов и запивая его кумысом¹. Берке давал племяннику наставления, а Чаган, как младший, только кивал головою да изредка произносил по-татарски «да».

— Ты будешь зорко следить за Андреем, — наказывал Чагану Берке. — Андрей-князь ненавидит силу нашу и имя наше. Александр-князь тоже ненавидит. Но этот мудр. Он ступает неслышно, как барс. Андрей же шумлив и занос-

¹ Кумыс — квашеное кобылье молоко.

чив. Расставь для него силки, и он сам ворвётся в них. Сделай так, чтобы он оскорбил имя царёво или осквернил то, что свяшенно в народе на-шем.

Вдруг какая-то ехидная, коварная мысль пришла в голову хану Берке. Он злорадно прищёлкнул языком и многозначительно показал рукою на деревянную чашу с кумысом.

Царевич Чаган понял своего дядю не вдруг. Тогда старый хан приказал ему придвинуться ещё ближе и наклонить ухо. И хотя в шатре не было никого из посторонних, да и подслушать их никто не мог: шатёр бдительно охранялся,— тем не менее старый Берке перешёл на шёпот.

Чаган всё понял. Он кивнул головой, и наглое лицо его расплылось в злой усмешке.

глава пятая

Свадебный пир Андрея Ярославича и Дубравки шумел в старинном белокаменном дворце. Дворец этот был создан ещё при дедах Невского дивными владимирскими зодчими; каменотёсами, резчиками и живописцами.

Чуден казался этот дворец извне!

Недаром же «умельцами» называл в древности русский народ своих строителей и художников. И впрямь: всё умели они. С гордостью пишет о них летописец: «И не искали мастеров от немцев, а свои пришли делатели и камнездатели. И одни умели лить олово и медь, другие умели крыть кровлю и белить известью стены, а иные обучены были дивному каменному резанию и рыхлению...»

Выстроен был дворец из больших плит и брусьев, ослепительно белых, тёсаных. Снаружи стены были покрыты чюдной резьбой; издали эта каменная резьба казалась кружевом.

Два обширных крыльца несли свои золотые островерхие крыши на бочковатых, толстых столбах из того же белого камня.

Там и сям виднелись каменные изваяния диких животных, сказочных зверей.

Но чудеснее всего в этом каменном здании было то, что оно казалось не из камня, а как бы из дерева, но только особого, небывалого, как снег белого.

Это был дворец-терем.

Русская красавица изба с её резными из дерева полотенцами, серьгами, подвесками; боярские бревенчатые хоромы с крылечками, коньками, драконами и, наконец, княжий златоверхий терем — всё это воплотилось в белом чудесном камне.

...Пир был в разгаре. Некоторые из бояр упились уже так, что тихонько опустили под стол и там похрапывали, укрытые скатертью от всех взоров.

Гриньку Настасьина это и смешило и удивляло. «Вот ведь чудно! — думал он, стоя позади кресла Александра Ярославича с серебряным топориком на плече, как полагалось меченоше.— Ведь уж старые, седые, а напились-то как!»

Однако он и бровью не повёл и стоял чинно и строго, как его учил старый княжеский дворецкий. Гринька исполнен был гордости. Как же! Сам Невский сказал ему: «Ну, Настасьин, будь моим телохранителем, охраняй меня: времена ныне опасные!» — «А на кого хошь пойду!» —

ответил он князю. Александр Ярославич усмехнулся, погладил его по голове да и говорит: «Ну, не знаю, каков разумом будёшь, когда вырастешь, а сердце у тебя отважное!»

Издали Гринька напоминал сахарное изваяние: он весь был белый. На голове его высилась горностаевая шапка, похожая по очертаниям на опрокинутое белое узкое ведёрко. Кафтан со стоячим воротом тоже был из белого бархата.

И за креслом Андрея Ярославича также стоял свой мальчик-меченоша. Но разве сравнить его с Гринькой!

Для Настасьина всё было внове, всё его поражало: и яркое убранство палат, и настольная богатая утварь, и шёлковые, унизанные золотом и драгоценными камнями одеяния князей и княгинь, бояр и боярынь. Свет многочисленных свещников — бронзовых и серебряных — был ослепителен.

На стенах палаты были написаны люди и звери. Тут была выкладка и цветным камнем, и резной мамонтовой костью.

Однако своды и стены обширной палаты были невысоки. Александр — тот при его огромном росте мог бы легко достать рукою до расписного потолка.

Невелики были и окна палаты со свинцовыми перегородчатыми рамами, похожими на пчелиные соты.

Столы огромного чертога были расставлены в виде буквы «П». Во главе стола сидел сам князь — жених — на открытом, без балдахина, престоле из чёрного дерева, с прокладкою из золотых пластин и моржовых клыков.

Рядом с женихом, слева, на таком же престо-

ле, только поменьше, сидела молодая княгиня Дубравка.

Самое почётное место — рядом с женихом — занимал Невский.

До сотни достигало количество яств, подаваемых на пиру. Необозрим и неисчерпаем был винный княжеский поставец...

Обеду положили начало закусками: икрой, стерлядью, осетрами. Затем поданы были горячие щи. А дальше пошли жаркие: и говядина, и баранина, и гусь, и индейки, и тетерев, и рябчик... Подавали и жареных лебедей. Исполинские птицы изготовлены были так, что вся белизна и красота оперения как бы оставалась неповреждённой. По двое слуг несли каждую птицу на золотом подносе.

...Пир шёл за полночь. Уж стали подавать груши, виноград и всевозможные усладеньки и заедки: груды пряников, винных ягод, изюму, коринки, фиников, лущёных грецких орехов, миндальных ядер и, наконец, арбузные и дынные посылы, сваренные в меду.

На хорах почти непрерывно гремела музыка: пели на разные голоса серебряные и медные трубы, свиристели малые, одним человеком надуваемые через мехи серебряные органы, бряцали арфы и гусли.

Словом, всё шло, как издревле полагалось на княжеских свадьбах.

Вдруг от внешнего входа, из сеней, послышались глухие голоса большой ссоры, шум борьбы, топот и, наконец, жалобный вскрик. Затем, покрывая шум, донёсся гортанный, с прёвизгом, голос, кричавший что-то на чужом языке.

Бороды бояр так и позастывали над столами.

Невский вслушался. Затем глянул на брата и в гневном недоумении развёл руками.

— Татарин кричит! — проговорил он.

Гриньке было с его места видно, как выпрямилась и застыла княгиня Дубравка. У неё даже губы стали белыми как мел...

В свадебные чертоги стремительно ворвался в сопровождении вооружённой охраны молодой татарский вельможа. Он вошёл быстро и властно, как в свою собственную кибитку. В наступившей внезапно тишине слышен был свистящий шелест его цветного шёлкового халата. Татарин был высокого роста, с надменным смуглым лицом, на котором справа белел рубец от вражеской сабли. Высокомерно и с вызовом остановился он прямо перед главным столом — перед князем Андреем и Дубравкой.

— Здравствуй! — по-татарски произнёс он, с озорной наглостью обращаясь к Андрею Ярославичу.

Меховые уши треухой шапки татарина были полуспущены и торчали в разные стороны, слегка покачиваясь, словно чёрные крылья летучей мыши.

Александр и Андрей — оба сразу же узнали его: это был татарский царевич Чаган, богатырь и военачальник, прославленный в битвах, но злейший враг русских, так же как дядя его, хан Берке.

«Ну, видно, не с добром послан!» — подумалось Невскому. И, ничем не обнаруживая своей суровой настороженности, Александр приготовился ко всему.

Всеобщее молчание было первым ответом татарину.

Гринька Настасьин кипел гневом. «Вот погоди! — в мыслях грозился он Чагану. — Как сейчас подымется Александр Ярославич да как полыснёт тебя мечом — так и раскроит до седла!»

Правда, никакого седла не было, Гринька знал это, но так уж всегда говорилось в народе про Александра Ярославича: «Бил без промаха до седла!» «А может быть, он мне велит, Александр Ярославич, обнажить меч? Ну, тогда уж я сам пластану!»¹ — подумал Гринька и стиснул длинную рукоять серебряного топорика, готовясь ринуться на Чагана. А тот, немного подождав ответа, продолжал с ещё более наглым видом:

— Кто я, о том вы знаете. У нас, у татар, так повелено законом Ясы²: когда проезжаешь мимо и видишь — едят, то и ты слезай с коня и, не спрашивая, садись и ешь. И да будет тому худо, кто вздумает прогнать тебя от котла!

И тут вдруг, к изумлению и обиде Настасьина, не Александр Ярославич выступил с гневной отповедью татарину, а Андрей. Он порывисто встал со своего престола и с налитыми кровью глазами, задыхаясь от гнева, крикнул Чагану:

— А у нас... у народа русского... с тех пор, как вы, поганые, стали на нашей земле, такое слово живёт: «Незванный гость хуже татарина!»

Рука Андрея сжалась в кулак. Ещё мгновение — и князь ринулся бы на Чагана. Тот понимал намерение Андрея. Татарину этого и нужно было, за этим татарский хан и ворвался так нагло. Его тайный расчёт был очень прост: если рус-

¹ Пластать — рассказать, разрубать.

² Ясы — так назывались законы и обычаи, собранные Чингисханом — делом Батыею.

ские оскорбят его в ответ на наглое вторжение, то в его лице они оскорбят всю татарскую Орду. И тогда он будет прав перед глазами Батюга, если прикажет своим телохранителям пролить кровь русских. Тогда ему всё позволено. Он поступит с ними так, как при взятии мятежного города. Тогда и эту юную, прекрасную княгиню он прикажет пленницей, рабыней доставить в свой стан.

И Чаган продолжал стоять посреди пиршественного чертога, озирая надменно и бесстыдно всех, кто сидел за столами.

В распахнутую дверь следом за своим предводителем уже вломилась целая толпа его вооружённых телохранителей. Это был всё могучий и рослый народ со свирепыми лицами. Оружием их были луки и сабли. Из колчанов торчали оперения страшных татарских стрел; стрелы были огромны — на двести шагов они насквозь пробивали панцирь.

И телохранители Чагана ждали только знака своего повелителя, чтобы обнажить сабли и ринуться на русских.

Когда Андрей Ярославич огибал кресло Невского, двигаясь на Чагана, Невский незаметно для других могучей рукой стиснул запястье опущенной руки брата. Это был тайный приказ старшего: утихни, дескать, остановись. И князь Андрей подчинился. Ещё с багровым от гнева лицом, тяжело дыша, он всё же возвратился на своё место.

И тогда спокойно и величественно поднялся сам Невский.

Благозвучным голосом, заполнившим всю палату, он на татарском языке обратился к Чагану.

Александр протянул кубок ордынскому царевичу.

— Я вижу,— сказал Александр,— что ты далёк, царевич, от пути мягкости и скромности. И я о том сожалею... Лучше проложи путь дружбы и согласия! В тебе мы чтим имя царёво и кость царскую. Но и тебя самого мы знаем: ты сказал справедливо! Ты — Чаган. У нас, у русского народа, также есть мудрые изречения. Одно из них гласит: «Годами молод, зато ранами стар!» Это я прилагаю к тебе.

При этих словах Невский величественным движением руки указал на белевший на щеке Чагана рубец от сабли.

И сразу преобразилось лицо юного монгола. Уже и следа не было в нём той оскорбительной наглости, с которой он только что глядел на Дубравку, и того вызывающего высокомерия, с которым он озирает всех.

Ропот одобрения словам Александра донёсся из толпы телохранителей Чагана.

А Невский после недолгого молчания закончил слово своё так:

— У нас тоже не в обычаях народа отлучить от котла даже случайно забредшего путника. А ты на свадебный пир пожаловал. Так войди же в застолье наше и прими от нас вот эту чашу дружбы и почёта!

Александр поднял серебряный, полный до краёв кубок, отпил от него, по обычаю, сам и протянул ордынскому царевичу. Затем он сошёл со своего места, дабы уступить его незваному гостю.

Чаган, как видно, сильно взволнованный словами и поступком Невского, склонился перед ним в поясном поклоне, приложив руки к груди. Потом он снова выпрямился, обвёл взором весь пирше-

ственный чертог и ответил Невскому на своём языке, придавая речи торжественность и высокопарность (так полагалось по ордынским обычаям беседовать знатым):

— Русские — это народ великий, многочисленный. А ты, Искандер (так называли Александра татары), и среди такого народа выделяешься изо всех! И нашему народу известно прозвание твоё: «Тот, кто на Неве победил». Имя твоё среди четырёх морей уважается. И недаром Батый — да будет имя его благословенно! — держит тебя возле сердца своего!..

В этот миг княгиня Дубравка решительно и гордо поднялась со своего трона и покинула свадебное застолье. Тётка её, княгиня Олёна, последовала за ней. Татарин заметил уход Дубравки и понял, что этим юная княгиня выразила свой гнев и своё отвращение к нему, к Чагану. У него злобно сощурились глаза. Но, хитрый и вероломный, он тотчас же подавил свою ярость.

Однако он с досадою понял, что Невский перехитрил его. Теперь Чаган был гостем, принявшим приглашение за стол, и уж не мог учинить кровопролитие: этим бы он осрамил честь своего рода. Невский был тоже разгневан самовольным уходом Дубравки. Александр знал, что свадьба Андрея и Дубравки и без того вызвала страшное раздражение в Орде. Он знал, что едва не разразилось кровавое карательное нашествие.

Александр Ярославич не сомневался, что Чаган послан с дурной целью. Если бы сейчас вот ему, Александру, не удалось потушить ссору и пролилась бы кровь, то, быть может, кочевавшие поблизости орды татар уже громили бы Владимирщину... Уход Дубравки с пира, несомненно,

озлобил и оскорбил Чагана. «Девчонка, строптивца! — думал в негодовании Невский. — Да если бы ты знала, сколько безвинных жизней может загубить этот дьявол, только бы дать ему причину! Знала бы ты, какая сатанинская сила повинуется одному слову этого татарина!.. Нет, сколько разумения моего хватит, не дам я им снова реки русской крови пролить! А с тобою, великая княгиня Владимирская, я потолкую ещё...»

Такие мысли пронеслись в голове Александра. Но внешне он был по-прежнему спокоен и обходился с Чаганом, как гостеприимный хозяин.

Хитрый татарин, оскалив в улыбке зубы, осведомился у Александра, куда исчезла молодая княгиня и не напугалась ли она его прихода. В ответ Александр заверил его, что княгиня Аглая Дубравка слабого здоровья; к тому же она только недавно совершила тяжкий и длинный путь — от Карпат до Клязьмы. А сейчас она почувствовала-де усталость, и поэтому та, что ей вместо матери, увела её отдыхать.

Чаган сделал вид, что поверил Невскому. А про себя подумал:

«Нет, правильно говорит Берке, что Батый — старая баба. Он одряхлел и покинул путь войны, куть, завещанный ему великим дедом. Яса говорят, что врага лучше всего дорезать. Этот русский князь обошёл Батыя, околдовал! С таким разве мягко следует обходиться? Это барс, но со всей хитростью лисицы...»

Но вслух Чаган сказал, вежливо улыбаясь и нагнувшись к самому уху Александра:

— А ты прикажи ей, княгине Дубравке, су-

пруге князя Владимирского, чтобы она пила кумыс: от кумыса она станет здоровой и цветущей. Кумыс — это напиток богов!

Невский в знак благодарности наклонил голову. Андрей последовал его примеру. Внезапно ордынский царевич поднялся со своего места и торопливо обернулся к удивлённому Невскому.

— Прости, Александр, — сказал он, — я должен уйти. Не обижайся. Прошу тебя, передай Дубравке-княгине, что мы весьма сожалели, что не смогли дожидаться восхождения луны лица её над этой палатой, где стало так темно без неё. Скажи ей, что я буду присылать для неё лучший кумыс от кобылиц своих. Прощай!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Отгремели свадебные торжества во Владимире. Призатих княжеский терем... Невский торопился с отъездом в Новгород. Неотложные государственные дела призывали его. Что-то опять замышляют на русских рубежах и немецкие и шведские рыцари.

Но прежде чем тронуться в дальний путь, нужно здесь, во Владимире, помочь брату Андрею свершить многие дела.

Александр Ярославич далеко за полночь засиделся в своём рабочем покое за свитками и донесениями со всех сторон Руси. Есть донесения даже из самой татарской Орды — и там у Александра сидят свои надёжные разведчики из числа враждебных Батыю татар...

На перстневом, безымянном пальце Алек-

сандра сияет голубым пламенем крупный драгоценный камень. Шелестят свитки пергамента и мягкой берёсты с нацарапанными на ней письменами. В двух больших подсвечниках, справа и слева от огромного, чуть с наклоном письменного стола, покрытого красным сукном, горят шестерики восковых свечей. Они горят ярко и спокойно. Пламя не шелохнётся. За этим нарочно неусыпно следит тихо ступающий по ковру мальчик. Он светловолос, коротко острижен, но с чёлкой. На нём песочного цвета кафтан, обшитый золотой тесьмой, сафьяновые красивые сапожки. В руках у отрока так называемые съёмцы — ножницы-щипцы, чтобы снимать нагар со свечей. Время от времени он ими и орудует, бережно и бесшумно. Вот он стоит в тени (чтобы не мешать князю Александру), прислонился спиной к выступу изразцовой печи и бдительно смотрит за пламенем всех двенадцати свечей. Вот как будто фитилёк одной из свеч, нагорев, пошёл книзу чёрной закорючкой. У мальчика расширяются глаза. Он сперва застывает, как бы впадает в охотничью стойку. Ещё мгновение — и, став на цыпочки, закусив от напряжения губу, он начинает красться к нагоревшей свече...

Невский, хотя и погружён в свой труд, взглядывает на мальчугана, усмехается и покачивает головой. Затем вновь принимается за работу. Под рукою у Александра лежат две тупо заострённые нетолстые палочки: одна свинцовая, а другая костяная. Свинцовой палочкой князь делает значки и отметины на пергаменте — на выбеленной телячьей коже. А костяной палочкой он пишет на кусках размягчённой берёсты, выдавливая ею буквы.

Труд окончен. Александр Ярославич откидывается на спинку дубового кресла и смотрит устало на тяжёлую, тёмно-красного сукна завесу окон. Посреди неё начали уже обозначаться переплёты скрытых за нею оконниц. Светает. Александр Ярославич нахмурился.

Мальчик случайно заметил это, и рука его, уже занесённая над чёрным крючком нагара, так и застыла над свечкой: он испугался, что своей работой обеспокоил князя.

— Ничего, ничего, Настасьин, — успокаивает его Александр, мешая в голосе притворную строгость с шуткой, дабы ободрить своего маленького свечника.

Тот понимает это, улыбается и старательно снимает щипцами новую головку нагара.

— Поди-ка сюда! — приказывает ему князь.

Мальчуган так, со щипцами в руке, и подходит.

— Ещё, ещё подойди, — говорит Невский, видя его несмелость.

Гринька подступает поближе.

Невский созерцает его с большим удовлетворением.

— Да какой же ты у меня красивый, нарядный сделался, Настасьин! — говорит князь. — Всех девушек поведёшь за собой.

Шутка Ярославича приводит Гриньку в большое смущение.

Александр кладёт свою сильную руку на его худенькое плечо и старается ободрить.

— Ну, млад месяц, как дела? — спрашивает князь. — Давненько мы с тобой не беседовали... Нравится тебе у меня, Настасьин?

— Ндравится,— отвечает Гринька и весело смотрит на князя.

Тут Невский решительно не знает, как ему продолжать дальнейший разговор: он что-то смущён. Кашлянул, слегка нахмурился и продолжал так:

— Пойми, млад месяц... Вот я покидаю Владимир: надо к новгородцам моим ехать опять. Думал о тебе: кто ты у меня? Не то мечник, не то свечник! — пошутил он.— Надо тебя на доброе дело поставить, и чтоб ты от него весь век свой сыт-питанен был! Так-то я думаю... А?

Гринька молчит.

Тогда Невский говорит уже более определённо и решительно:

— Вот что, Григорий: ты на коне ездить любишь?

Тот радостно кивает головой.

— Я так и думал. Радуйся: скоро поедешь вволю. На новую службу тебя ставлю.

У мальчика колесом грудь. «Вот оно, счастье-то, пришло! — думает он.— Везде с Невским самим буду ездить!..» И в воображении своём Гринька уже сжимает рукоять меча и кроит от плеча до седла врагов русской земли, летя на коне на выручку Невскому. «Спасибо тебе, Настасьин! — могучим голосом скажет ему тут же, на поле битвы, Александр Ярославич.— Когда бы не ты, млад месяц, одолели бы меня нынче поганые...»

Так мечтается мальчугану.

Но вот слышится настоящий голос Ярослава:

— Я уж поговорил о тебе с князем Андреем. Он берёт тебя к себе. Будешь служить по соколь-

ничьему пути: целыми днями будешь на коне! Ну, служи князю своему верно, рачительно, как мне начинал служить...

Голос Невского дрогнул. Он и не думал, что ему так жаль будет расставаться с этим бело-брысым мальчонкой.

Белизна пошла по лицу Гриньки. Он заплакал...

Больше всего на свете Невский боялся слёз — ребячьих и женских. Он растерялся.

— Вот те на! — вырвалось у него.— Настасьин?.. Ты чего же, не рад?

Мальчик, разбрызгивая слёзы, резко мотает головой.

— Да ведь и свой конь у тебя будет. Толково будешь служить, то князь Андрей Ярославич сокольничим тебя сделает!

Гринька приоткрывает один глаз — исподтишка вглядывается в лицо Невского.

— Я с тобой хочу!.. — протяжно гудит он сквозь слёзы и на всякий случай готовится зареветь.

Невский отмахивается от него:

— Да куда ж я тебя возьму с собою? В Новгород путь дальний, тяжкий. А ты мал ещё. Да и как тебя от матери увозить?

Увещания не действуют на Гриньку.

— Большой я,— упорно и насупясь возражает Настасьин.— А мать умерла в голодный год. Я у дяди жил. А он меня опять к Чернобаю отдаст. А нет — так в куски пошлёт!

— Это где ж — Куски? Деревня, что ли? — спрашивает Александр.

Даже сквозь слёзы Гринька смеётся такому неведению князя.

— Да нет, пошлёт куски собирать — милостыню просить,— объясняет он.

— Вот что! — говорит Невский.— Но ведь я же тебя ко князю Андрею...

— Убегу я! — решительно заявляет Гринька.— Не хочу я ко князю Андрею.

— Ну, это даже невежливо,— пытается ещё раз убедить упряма Александр.— Ведь князь Андрей Ярославич — родной брат мне!

— Мало что! А я от тебя никуда не пойду! — уже решительно, по-видимому заметив, что сопротивление князя слабеет, говорит Настасьин.

— Только смотри, Григорий,— с притворной строгостью предупреждает Невский,— у меня в Новгороде люто! Не то что здесь у вас, во Владимире. Чуть что сгрубишь на улице какому-нибудь новгородцу, он сейчас тебя в мешок с камнями — и прямо в Волхов, река у нас там такая.

— А и пущай! — выкрикнул с какой-то даже отчаянностью в голосе Гринька.— А зато там, в Новгороде, воли татарам не дают! Не то что здесь!

И, сказав это, Гринька Настасьин опустил длинные ресницы, и голосишко у него перехватило.

Невский вздрогнул. Выпрямился. Брови его сошлись. Он бросил испытующий взгляд на мальчика, встал и большими шагами прошёлся по комнате.

Когда же в душе его отбушевала потаённая, подавленная гроза, поднятая бесхитростными словами деревенского мальчика, Александр Ярославич остановился возле Настасьина и, слегка

касаясь левой рукой его покрасневшего уха, ворчливо-отцовски сказал:

— Вот ты каков, Настасьин! Своим умом дошёл?

— А чего тут доходить, когда сам видел! Татарин здесь не то что в избу, а и ко князю в хоромы влез, и ему никто ничего!

Князь попытался свести всё к шутке:

— Ну, а ты чего ж смотрел, телохранитель?

Мальчик принял этот шутливый попрек за правду. Глаза его сверкнули.

— А что бы я посмел, когда ты сам этого татарина к себе в застолье позвал! — запальчиво воскликнул Гринька.— А пусть бы только он сам к тебе сунулся, я бы так его пластанул!

И, вскинув голову, словно молодой петушок, изготовившийся к драке, Гринька Настасьин стиснул рукоять воображаемой секиры.

«А пожалуй, и впрямь добрый воин станет, как подрастёт»,— подумалось в этот миг Александру.

— Ну что ж,— молвил он с гордой благосклонностью,— молодец! Когда бы весь народ так судил...

— А народ весь так и судит!

— Ого! — изумился Александр Ярославич.— А как же это он судит, народ?

— Не смею я сказать... ругают тебя в народе...— Гринька отвёл глаза в сторону и покраснел.

Ярославич приподнял его подбородок и глянул в глаза:

— Что ж ты оробел? Князю твоему знать надлежит — говори!.. Какой же это народ?

— А всякий народ,— отвечал, осмелев, На-

стасьин.— И который у нас на селе. И который в городе. И кто по мосту проезжал. Так говорят: «Им, князьям да боярам, что! Они от татар откупятся. Вот, говорят, один только из князей путный и есть — князь Невский, Александр Ярославич. Он и шведов на Неве разбил, и немцев на озере, а вот с татарами чачкается, кумыс пьёт с ними, дань в татары возит!..»

Невский не смог сдержать глухого, подавленного стога. Стон этот был похож на отдалённый рёв льва, который рванулся из-под рухнувшей на него тяжёлой глыбы. Что из того, что обрушилась эта глыба от лёгкого касания ласточкина крыла! Что из того, что в слове отрока, в слове почти ребёнка, прозвучало сейчас это страшное и оскорбительное суждение народа!

Александр, тихо ступая по ковру, подошёл к Настасьину и остановился.

— Вот что, Григорий,— сурово произнёс он,— довольно про то! И никогда — слышишь ты! — никогда не смей заговаривать со мной про такое!.. Нашествие Батыево! — вырвался у Невского горестный возглас.— Да разве тебе понять, что творилось тогда на русской земле?! Одни ли татары вторглись? То была вся Азия на коне!.. Да что я с тобой говорю об этом! Мал ты ещё, но только одно велю тебе помнить: немало твой князь утёр кровавого поту за землю русскую!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Тяжкие думы не дают уснуть Александру. Вот уж пропели петухи. Не спится. Невский тихонько окликнул Настасьина, приказал ему за-

жечь свечи и позвать княжеского лекаря — доктора Абрагама.

Облачённый в бархатный просторный халат с поясом, Александр Ярославич сидел в кресле за своим рабочим столом в ожидании личного врача.

«Худо. Уж не захворать ли я вздумал? — почти вслух размышлял он.— Сие не вовремя будет, ох как не вовремя!»

Вошёл доктор Абрагам — высокий, худощавый старец лет семидесяти. У него было красивое, тонкое лицо, удлинённое узкой и длинной, словно клинок кинжала, белой бородой. Седые кудри его прикрыты были чёрной шапочкой. Он опирался на длинный посох.

Это был один из придворных врачей ещё при отце Невского — Ярославе Всеволодиче. Невгда князь Ярослав спас его из рук разъярённых литовцев, намеревавшихся утопить старого лекаря, как колдуна. И с тех пор Абрагам жил при дворе Ярослава Всеволодича — то во Владимире, то в Новгороде. Он был учён и сведущ во врачебном искусстве.

— Снотворного чего-нибудь дай мне,— сумрачно сказал Александр, едва только лекарь сел в предложенное ему кресло.

— Какого же снотворного прикажешь, государь?

Невский в недоумении посмотрел на него:

— Тебе ли, о доктор Абрагам, спрашивать меня об этом?

— Прости, государь! Я хотел лишь узнать: на короткое время ты хочешь забыться или же хотел бы погрузиться в сонный покой надолго?

— Мужу покой — только смерть! — сурово отвечал Невский. Его уже начали раздражать

эти расспросы многоучёного доктора. — Выспаться хочу. Путь предстоит дальний!

Старик поднялся с кресла и склонил голову.

Однако придворный лекарь не мог избавиться от своей стариковской дотошности.

— Видишь ли, государь, — сказал он, — если мы, медики, хотим, чтобы человек уснул обычным сном, то надлежит искрошить с помощью резала корень валерианы...

Но ему не пришлось договорить. Звонкий мальчишеский голос из угла палаты вдруг перебил его.

— А у нас вот, — сказал голос, — дедонька мой, мамкин отец, когда кто не спит и придёт к нему за лекарством, он мяун-корень заварит и тем поить велит...

И князь и доктор — оба были поражены, услышав этот голосок, столь внезапно вступивший в их беседу.

Потом Невский громко рассмеялся и молвил:

— Ах, ты!.. Ну как же, однако, ты напугал меня, Настасьин!.. А ну-ка, ты, лекарь, подойди сюда.

Григорий Настасьин, потупясь, выступил из своего угла и остановился перед Александром Невским.

— Стань сюда, поближе... вот так, — сказал Александр Ярославич и, крепко ухватив Гриньку за складки просторной одежды, переставил его, словно шахматного конька, между собою и лекарем.

Озорные искорки сверкнули в глазах старого Абрагама.

— А ну, друг мой, — обратился он к мальчи-

ку, — повтори, как твой дед именовал эту траву, что даёт сон.

— Мяун, — не смущаясь, ответил Гринька. — Потому что от неё кошки мяукают.

Князь и доктор расхохотались. Затем старый врач важно произнёс:

— Да, ты правильно сказал. Но ещё в Древнем Риме врачи привыкли именовать это растение валериана, ибо она, как гласит латинское слово «валере», подлинно оздоравливает человека. Она даёт здоровый сон.

— А я много трав знаю! — похвастался обрадованный Гринька. — И кореньев! Дедушка уж когда и одного посылал... Бывало, скажет: «Гринька, беги-кось, ты помоложе меня: Марьин парнишечка руку порезал». А чего тут бежать? Эта травка тут же, возле избы, растёт. И порезником зовут её... Скоро кровь останавливает...

— А ещё какие целебные травы ты знаешь, отрок? — вопрошал старый доктор.

Гринька, не робея, назвал ему ещё до десятка трав и кореньев.

И всякий раз старик от его ответов всё более и более веселел.

— А ещё и вредные растут травы, ядовитые! — воскликнул в заключение Настасьин. — У-у! Ребятишки думают — это пучки, сорвут — и в рот. А это сикавка, свистуля! От неё помереть можно. И помирают!

Тут он живо описал доктору Абрагаму ядовитое растение пёстрый болиголов. Старик не мог скрыть ужаса на своём лице.

— О-о! — воскликнул он, обращаясь к Невскому. — Вот, государь, этим как раз растением, о котором в такой простоте говорит этот мальчик, отравлен был некогда в Афинах великий мудрец древности...

— Сократ?!¹ — произнёс Невский.

— Да, государь...

Наступило молчание. Оно длилось несколько мгновений. Затем Абрагам снова пришёл в необычайное оживление и воскликнул:

— Это чудесный отрок — поистине дар небес для меня, государь! О, если бы только... Но я не смею, государь...

— Что? Говори, доктор Абрагам.

— У меня была давняя мечта — узнать, какие целебные травы известны русским простолюдинам. Ведь вот даже знаменитые врачи древности пишут, что они многие травы и коренья узнали от старых женщин из простого народа. Когда бы ты соизволил, государь...

Старик не договорил и посмотрел на Гриньку.

Невский догадался о его желании. Тут они перешли с доктором на немецкую речь. Настасьин с тревогой и любопытством вслушивался. Понимал... понимал он, что это говорят о нём!

А если бы ему понятен был язык, на котором беседовали сейчас князь и лекарь, то он бы узнал, что старик спрашивает его, Гриньку, к себе в ученики и что Александр Невский согласен.

— Григорий, — обратился к Настасьину Александр, — вот доктор Абрагам просит тебя в помощники. Будешь помогать ему в травах. А потом сам станешь врачом. Согласен?

Гринька от неожиданности растерялся.

— Я с тобой хочу!.. — сказал мальчуган. И слёзы показались у него на глазах.

Невский поспешил утешить его:

— Полно, глупый! Ведь доктор Абрагам при мне... ну, стало быть, и ты будешь при мне!.. Ладно. Ступай спи. Утре нам путь предстоит дальний...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Тысячевёрстный, длительный путь между Владимиром-на-Клязьме и Новгородом совершали в те времена частенько по рекам Тверце и Мсте, а частью — конями. И немало было на том пути привалов, днёвок, ночёвок...

Чёрная, осенняя ночь... В буреломном, трущобном, берложьем бору пылает исполинский костёр. Вокруг костра — путевая дружина Невского: могучие парни и мужики.

Сверкают сложенные позади каждого воина кольчужные рубахи, островерхие, гладкие, как лёд, шлемы, копыя, мечи, сабли...

¹ Сократ — великий древнегреческий философ V—IV вв. до н. э.

Костёр гудит и ревёт. С багровыми от нестерпимого жара лицами воины — и бородатые и безусые — то и дело блаженно покрякивают, стонут, а всё-таки тянут ладони к костру. Другие же оборотились к бушующему пламени спиной, задрали рубахи по самый затылок и калят могучие голые спины. Когда же иному из богатырей уж вовсе невтерпёж станет, он, взревев, кидается в сырой, прохладный мрак бора и там понемногу остывает.

От костра в сторону отгребена малиновая россыпь пышущих жаром угольев. Над нею, на стальных вертелах, жарятся целиком два барана, сочась и румянея.

Тут же в трёх изрядных котлах, что подвешены железными крючками на треногах, клочечет жидкая пшённая каша — кулеш.

Гринька Настасьин сидит среди воинов у костра. Думал ли он когда, что доживёт до такого счастья! Вот он сидит у костра, а рядом с ним, локоть к локтю, совсем как простой человек, сидит русобородый богатырь — начальник всей путевой дружины Невского. И зовут этого витязя Гаврило Олексич. Да ведь это он самый, что в битве на Неве богатырствовал и навеки себя прославил в народе! О нём и сам Александр Ярославич рассказывал Гриньке...

Гаврило Олексич и Гринька дружат. Богатырь сделал ему большой деревянный меч, как настоящий.

— Ничего, Григорий, — сказал ему Олексич, — пока деревянный: вырастешь — так настоящим пластать будешь. Может, и на татарах свой меч испытать придётся!

...О чём только не переговарят у костра, каких

только бывальщин и небылиц не наслушается Гринька! Иной раз даже ему, малолетку, смешно: уж такую небывальщину сложит кто-нибудь из воинов! И ничего, эти бородатые богатыри верят. Ещё и обсуждать примутся!

— Да-а!.. — раздумчиво говорит один из дружинников. — На свете всякие чудеса бывают. Вот у нас на Кидекше, как раз в воскресенье, — весь народ своими глазами мог видеть: облако на лугу близ деревни упало... И что же? Сделался из него кисель!

Помолчали. Кто-то проглотил слюнки. Кто-то вздохнул.

— Всё может быть, всё может быть! — произнёс в раздумье старый воин.

— Да-а... — вырвалось от всей души у другого.

— Почаще бы нам, хрестьянам, да по всем бы по деревням такие облака падали!

— Ну, а что толку? — возразил кто-то с горькой насмешкой. — Всё равно, куда наш брат, хрестьянин, ложку из-за голенища вынет, князья-бояре весь кисель расхватают.

Послышался общий хохот.

— Это уж так!..

— Это истинно! Работному люду ничего не достанется!

И сам собою разговор свернулся на надвигающийся голод.

— Да-а! Ещё урожай обмолотить не успели православные, а купцы уже втридорога за одну кадь¹ ржи берут! Как дальше жить будем?

Эти последние слова произнёс дородный дру-

¹ Кадь — хлебная мера в Древней Руси.

жинник — светлородый силач, пышущий здоровьем. Несоответствие внешности со словами о голоде вызвало у некоторых невольную шутку:

— Гляди, Иван, как бы ты от голоду не отошел вовсе: уж и так одни кости да кожа!

Воины засмеялись.

Однако дородный воин отнюдь не смутился этим и скоро заставил замолчать насмешников.

— Правильно, — спокойно возразил он. — Я-то не жалуясь: сыт-питанен. Мы, дружина, на княжеских хлебах живём — нам и горя мало! Ну, а старики твои, Митрий, или там сёстры, братья, суседи? А? Замолк, нечего тебе сказать! А вот мне об этих днях из нашей деревни весть прислали: пишут, что сильно голодают в нашей округе. Уж траву-лебеду стали к мучке-то примешивать. Ребятишки пухнут от голоду. Старики мрут...

Его поддержали:

— Что говорить! Худо простому люду живётся под боярами да под татарами! А хуже нет голода!

Разговор пошёл горестный, тяжёлый.

Но как раз в это время воинам поспел ужин, и все принялись сперва за горячий кулеш, а потом — за баранину.

Гаврило Олексич положил на большую лепёшку, как на блюдо, сочно-румяный большой кусок жаркого и подал Гриньке.

— Кушай, кушай, отрок! — ласково сказал он, погладив его по голове. — Уж больно ты худ! Набирайся сил, кушай!

Сам он тоже взял добрый кус барашка, сел рядом с Гринькой под сосну и принялся есть с той отрадной для глаза мужественной жадно-

стью, с какой вкушает свою заслуженную трапезу пахарь и воин.

— Ешь! — ещё раз сказал он мальчику. — Хочешь воином быть добрым — ешь побольше! От еды сила! — наставительно пояснил он и ласково подмигнул Гриньке.

Увидев своего витязя-друга в таком светлом расположении духа, Гринька вполголоса сказал ему:

— Дяденька Гаврило, а потом расскажи мне про Невску битву.

Олексич хмыкнул и усмехнулся:

— Да ведь уж сколько раз я тебе про неё рассказывал. Поди уж затвердил всё наизусть? Верно ведь?.. Ну ладно, отужинаем — там видно будет!

Такой ответ означал согласие. Сердце Гриньки трепетало от радостного ожидания, хотя и впрямь уже который раз носился он мысленным взором над Невским побоищем, слушая рассказы своего друга.

Едва только задружил Гринька Настасьин с Гаврилой Олексичем и едва только узнал от людей, что это тот самый Олексич, так покою не стало витязю от настойчивых просьб мальчика: расскажи да расскажи, как били шведских рыцарей на Неве.

Сперва богатырь больше отшучивался. И всё-то выходило у него до чрезвычайности просто, будто и рассказывать не о чем.

— Да уж что говорить! — добродушно начинает он и сегодня. — Знамо, что побили их крепко. Уложили их там, на болоте, немало, рыцарей этих. А и сам ихний герцог Биргер насилу утёк от Ярославича: живо коня заворотил! А всё-таки

Александр Ярославич большую ему отметину положил копьём на лицо — до веку не износить! — И, сказав это, Гаврило Олексич вдруг ожесточился и суровым голосом произнёс: — Да и как их было не бить? Пошто вы в чужую землю пришли кровь человеческую проливать? Пошто у нас, у Новгорода Великого, водный путь хотите отнять? Зачем море закрываете? Задушить, стало быть, хотите? Русский народ сам кровопролития не затевает, это уж нет! Ну, а если незваны гости к нам ломятся — тут руке нашей от сохи до меча дотянуться недолго! Я ратай¹, я и ратник!

Он замолк. Но тут снова и снова Гринька в нетерпении принимается теревить Олексича за рукав:

— Дядя Гаврило, а Расскажи, как ты на

¹ Рáтай — пахарь.

шведский корабль по доскам въехал. Ну, Расскажи!

— На коне въехал... И што тут рассказывать!

Гринька не унимался:

— Нет, а как чуть королевича шведского не захватил!

— А вот же не захватил! — мрачно ответил Олексич. Но тут, видно, неудержимые поднялись в его памяти воспоминания, и, уступая им, неразговорчивый богатырь рассмеялся и добавил: — Худоногий он был у них, королевичто. Вроде как расслабленный. Привезли они его с собой из-за моря нарочно: на новгородский престол сажать. Ишь ты ведь! — воскликнул в негодовании Олексич, как будто всё это сейчас происходило, а не десять лет назад. Рассказ его продолжался: — Ну, пришли мы, сам знаешь, на реку Неву, в устье Ижоры — речка такая впадала в Неву. Ино там они и вылезли, шведы, из кораблей на сушу. Видимо их невидимо! Девять тысяч кованой рати. Девять тысяч! — повторил Олексич, потрясая рукой. — Ну, а нас-то всех вместе, и с ладожанами и карелой, и до тысячи не дотягивало. Ну, да ведь где же Александру Ярославичу было воинов собирать! Кто с ним был, с теми и ударил... Грянули мы на них внезапно. Они думали: мы рекой Волховом поплывём, а мы прямоком через леса, через болота — прямо на устье Ижоры. Возов с собой не брали. Александр Ярославич нам даже и щитов не велел с собою брать: «Меч верней щита!»

Подошли мы к их стану, солнышко взошло уж высоко. Ну, вот этак... — Олексич показал рукою. — Словом, бойцу с коня копьём достать...

Но уж всё ихнее войско на ногах, гудит! Трубы поют звонкие, в медные тарелки бьют, в бубны великие колотят! Мы смотрим. А из бору ещё не выходим... Но вот Александр Ярославич расставил нас всех — и дружину свою, и полк весь: кому откуда ударить. Сам он на белом коне боевом. Вот вижу, поднял он меч свой... Слышу, крикнул: «Вздымайте знамя!» И враз опускает меч: «Вперёд, за отечество!» Ну, тут уж и ринулись мы все из тёмного бору! Бурей!

Олексич зажмурился: должно быть, так, с закрытыми глазами, ещё явственнее поднимались в его душе образы великой битвы, ещё слышнее становились ратные крики, ржанье коней, шум и звон давно минувшей сечи...

Гринька слушал, не смея дыхание перевести, боясь пошевелиться. И только тогда, когда нестерпимо длинным показалось ему молчание друга, мальчуган охрипшим от волнения голосом спросил:

— А отчего у них трубы трубили?

— А! Трубы-то? — отвечал, как бы очнувшись, Гаврило Олексич. — А это, видишь ли, паренёк, как раз королевич ихний на берегу обход войску делал. Сановники с ним, свита, сам герцог. Рыцари вокруг него — как за стальной стеной идёт! А мне с коня-то всё видать как на ладони... И со мной молодцов немало новгородских. Дружина добрая подобралась! Молодцы — не выдавцы! Все мы из одной братчины были — кожевники, чеботари¹. Костя Луготинич, Юрата, Намест, Гнездило... Как железным утюгом раскалённым в сугроб, так и мы в гуцу в самую этих

¹ Чеботарь — сапожник.

шведов вломились. Даром, что кованая рать зовётся, в панцири закованы с головы до ног, и шеломы-то у них не людские, а как ведёрко глухое железное на голове, а против рта решётка. Поди-ка, дойми такого! А ничего: секира прорубит! Ломим прямо на королевича... Тут дворяне его переполошились, хотят на руки его вскинуть — да и на корабль. А он им не даёт: зазорно ему. Однако испугался... Герцога, видать, нету уже при нём.

Вот уж он, герцог, на вороном коне мчится наперерез Ярославичу. Тоже в панцире весь. Только решётка на лице откинута, усы, как рога, в стороны топорщатся... Нет-нет да и осадит коня, да и зычно этак крикнет по-своему, по-латынски, воинам своим... И те заорут ему вослед... Опамятовались: бьются крепко.

Но, однако, одолеваем мы их, ломим. Грудим их к воде, к воде! Нам Ярославича нашего отовсюду видать: островерхий шлем его золочёный сверкает на солнце, кольчуга, красный плащ на ветру реет; меч, как молния, блистает, разит! Вот видим: привстал наш богатырь на стремени, поднял обеими руками меч свой, опустил — и валится шведский рыцарь под конское копыто! А Ярославич наш уж на другого всадника наринул, глядишь — и этому смерть!.. Бьётся, сечёт мечом нещадно. Конём топчет. Но всю как есть битву своим орлиным оком облетает. Видит всё. И знаем: каждого из нас видит. Злой смертью погибнуть не даст: видит, кому уж тесно станет от врагов, одолевают — туда и бросит помощь. Правит боем! А голос у него, знаешь сам, как серебряная труба боевая. Ведь стоит кругом стон, гул; щиты — в щепки, шлемы — вдребезги; обе

рати орут; раненых коней ржанье; трубы трубят, бубны бьют... а князь наш кинет свой клич боевой — и мы его везде слышим! Мимо нас, новгородцев, промчится и во весь свой голос: «За господина Великий Новгород! За отечество!» И мы ему отзовёмся. И того пуще ломим!..

На кораблях у шведов, на ладьях, на лодках невесть что началось! Заторопились, паруса поднимают. А ветра нету: не море ведь! Вздуется пузом парус, да тут же и опадёт, заполощет... Крику, шуму, ругани! А толку нет никакого: отплыть не могут. Шестами в дно стали упираться, вёслами гребут — ни с места! Лодки перегрузили, те опрокинулись. Тонет народ, барахтается в Неве. А в панцире много ли поплаваешь?

А наш народ знаешь ведь какой: ему, когда распалится в битве, что огонь, что вода! Миша был такой, тоже новгородец... Ну, этот из боярских детей: с ним дружина своя пришла. И богатырь был, богатырь! Нынче уж такого редко встретишь... Так вот этот Миша с дружиной прямо в Неву кинулся, где бродом по грудь, а где вплавь, и давай топором корабли и ладьи рубить. Три корабля утопил. Сильно похвалил его Александр Ярославич!

Дальше вскользь вспомянул Гаврило Олексич, как увидал он: волокут под руки шведского королевича по сходням на корабль — и ринулся на коне вслед за ним. Но опоздал: шведы успели втащить королевича. А когда Олексич въезжал на сходни, враги столкнули сходни в воду. Упал вместе с конём и Олексич.

Однако Олексич выплыл и вновь кинулся в битву...

— Э-эх! — воскликнул тут с горечью сожаления

рассказчик. — Ну, за малым я не настиг его! Ну да ведь с разгону-то не вдруг проломишься, хотя бы и на коне. Уж больно густо их, шведов, было вокруг него. Люди ведь с оружием — не шелуха, не мякина! — добавил он как бы в оправдание.

Рассказал он Гриньке и о том, как юный воин Савва, сокрушая шведов своим тяжёлым мечом, пробился к самому шатру герцога Биргера, уничтожил охрану, а затем ловкими ударами топора подрубил позолоченный столб, на котором держался шатёр. Шатёр с шумом рухнул на глазах всего войска. И это послужило знаком к повальному бегству шведов.

Рассказал он и о гибели юноши — Ратмира.

— Дяденька Гаврило! А ты видел, как его зарубили? — спросил Настасьин.

Олексич тяжело вздохнул. Понурился. Сурово смахнул слезу.

— Видал,— ответил он сумрачно.— Сильно он шёл среди врагов. Бежали они перед ним! А только нога у него поскользнулась — упал. Тут они его и прикончили... Да! — добавил он, гордо вскидывая голову.— Хоть совсем ещё мальчишечка был — годков семнадцати, не боле,— а воистину витязь! Любил его Ярославич. Плакал над ним!

Так закончил свой рассказ о гибели Ратмира Гаврило Олексич. И вновь погрузился в думу, как бы созерцая давно минувшую битву.

— Как сейчас вижу,— продолжал он,— отшумело побоище... и вот подымается на стременах Александр Ярославич наш, снял перед войском шлем свой и этак, с головой непокрытой возгласил во все стороны, ко всем бойцам. «Спа-

сибо вам, русские витязи! — кликнул. — Спасибо вам! Доблестными явили себя все: и новгородцы, и владимирцы, и суздальцы, и дружинник, и ополченец!.. Слава вам! — говорит. — Постояли за господина Великий Новгород! Постояли и за всю русскую землю!.. Слава и вечная память тем, кто жизнь свою сложил в этой сече за отечество! Из века в век не забудет их народ русский!..» Вот как он сказал, Ярославич... Да, — убеждённо заключил Гаврило Олексич, — заслужил он своё прозвание от народа — Невской!

Произнеся эти слова, Гаврило Олексич вдруг сурово свёл брови. На лице его изобразилась душевная борьба. Казалось, он раздумывает, можно ли перед мальчишкой, перед отроком, сказать то, о чём он сейчас подумал... Наконец он решился.

— Да! — сказал он жёстко и горестно. — Невской зовём. Всех врагов победитель! Мы же за ним и в огонь и в воду пошли бы... Так пошто же он перед татарами голову клонит?

Эти слова Олексича долго были для Гриньки словно заноза в сердце.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Ночной ужин воинов в самом разгаре. Лесной костёр гудит и ревёт. Спать никому не хочется. Затевают борьбу. Тянутся на палке. Хохот. Шутки. Смотришь, поодаль, в степенном кружке, какой-то бородач говорит сказку...

Вот поднимается с земли молодой, могучий дружинник. Потягивается после сытного ужина и говорит:

— Эх, мёду бы крепкого, стоялого ковшик мне поднести!

В ответ ему слышатся шутливые возгласы.

— А эвон в ручеёчке мёд для тебя журчит! Медведь тебе поднесёт: он здесь хозяин, в этакой глухомани! — слышится чей-то совет.

Дружинники громко хохочут.

Тот, кто пожелал мёду, ничуть не обижается на эти шутки. Напротив, он подхватывает их. Вот подошёл к большому деревянному бочонку-лагуну с длинным носком. Лагун полон ключевой, студёной воды. Парень, красуясь своей силой, одной рукой поднимает лагун в уровень рта и принимается пить из носка, закинув голову. Он пьёт долго.

Утолив жажду, он расправляет плечи и стучит кулаком в богатырскую грудь.

— Ого-го-го! — весело орёт он на весь бор. — Ну, давай мне теперь десяток татарин — всех голыми руками раздеру! Даже и меча не выну...

— Храбёр больно! — ехидно осадил его другой воин. — Которые побольше тебя в русской земле — князья-государи, да и то перед татарами голову клонят!

— Ну, да то ведь князья!

— Им попы велят!.. Попы в церквах за татарского хана молятся! — слышались голоса, исполненные горестной издёвки.

Молодой воин, что похвалился управиться с десятью татарами, гордо вздёрнул голову, презрительно хмыкнул и сказал:

— То правильно! Старшаки наши, князья, все врозь. Оттого и гибель земле. Дерутся меж собой. Народ губят. А когда бы да за одно сердце

все поднялись на этого Батыя, тогда бы из него и пар вон!

— Дождись, как же! — услышался тот же язвительный голос, что осадил парня. — Станут тебе князя против татарина за едино сердце! Им бы только в покое да в холе пожить. Уж все города под татарскую дань подклонили!.. Больше всех наш Александр Ярославич старается. Что ни год — всё в Орду с данью ездит, ханам подарки возит. Татар богатит, а своего народа не жалко!

При этих словах, сказанных громко и открыто, у Настасьина кусок застрял в горле. От горькой обиды за князя слёзы навернулись на глаза. Гринька с жалобным ожиданием глянул на Гаврилу Олексича: чего же он-то на них не прикрикнет, не устыдит их, не заступится за Александра Ярославича?

Гаврило Олексич сидел неподвижно. Он, правда, нахмурился, однако в разговор не вмешался.

За князя Александра заступился один старый воин богатырского вида, с большой седой бородой, распахнутой на оба плеча.

— Полноте вам, ребята! — укоризненно и вразумляюще произнёс он. — Вы Батыева приходу не помните: маленькие в ту пору были. А я воювал с ним. Так я вам вот что скажу. Александр Ярославич мудро строит: с татарами — мир! Крови народной жалеет... Куда же нам сейчас с этакой силой схватиться, что вы! Когда бы одни татары, а то ведь они сорок племён, сорок народов с собой привели! Помню, где хан Батый прошёл со своими ордами конными, там и лесочков зелёных не стало: всё как есть татарские кони со-

жрали. Где, бывало, берёзовый лесок стоял-красовался, там после Орды словно бы голые прутья из веника торчат, понатыканы... На одного на нашего десять татаринцов навалилось!.. Да что говорить: ужель воитель такой победоносный — Александр наш Ярославич — да не знает, когда нам подняться на татар? Знает! Погодите, придёт наш час: ударим мы на Орду...

Молодые воины горьким смехом ответили на эти вразумляющие слова.

— Дождёмся, когда наши косточки в могиле истлеют! — сказал один.

— Дань в Орду возить — оно куда спокойнее!

— Дорогу туда князь Александр запомнил, ему виднее! — выкрикнул третий.

И тогда, как стрела, прынувшая с тугой тетивы, вскошил Гринька. Он швырнул наземь кусок жаркого и лепёшку, данную ему Олексичем. Голос мальчика зазвенел.

— Стыдно вам! — гневно выкрикнул он сквозь слёзы. — Да разве мало Александр Ярославич поту кровавого утёр за землю русскую?! Эх, вы!

Голос ему перехватило. Он махнул рукой и кинулся прочь от костра — в глухую тьму бора.

глава десятая

Кумыс — издревле священный татарский напиток. По закону Чингисхана тот, кто пролил кумыс на землю, подлежал смертной казни.

— Повтори, повтори, собака, если не отсох-

нул твой мерзкий язык! — неистово кричал Чаган, пиная в голову упавшего перед ним ничком купца-мостовщика Чернобая. — Что сделали эти русские с кумысом?

Но где ж тому было повторить! Предатель-купчина и так трясся в холодном поту, простёршись у ног Чагана.

А известие, с которым тайно пробрался Акиндин в ставку хана-царевича, было и впрямь страшным для любого татарина: тот самый кумыс, который, следуя своему обещанию, Чаган целыми ундырями¹ посылал во дворец великого князя Владимирского для княгини Дубравки, Андрей Ярославич приказывал выливать в помойку. Этот безумец ещё и похвалялся, что даже щенков своих он не хочет, дескать, поганить татарским кобыльим молоком.

— Ундырь крови своей и своих родичей отдаст мне этот жалкий князь Владимирский за каждый ундырь осквернённого им кумыса! — в ярости кричал Чаган.

На самом же деле коварный татарин только этого и хотел: горячий и неосторожный Андрей сам кинулся в расставленную для него западню.

В ту же ночь хан Чаган вызвал к себе главных военачальников татарских орд, кочевавших на рубежах Владимирского княжества, — и трёхсоттысячная армия конных дьяволов, алчущих добычи и русской крови, ринулась на Владимирщину.

Случилось то, чего так страшился Александр. Однако неверно было бы полагать, что лишь

¹ Ундырь, или турсук, — особой выделки мехи для хранения кумыса.

одно осквернение кумыса привело к новому татарскому вторжению. Нет! Уж с полгода, как от лазутчиков татарских, доносчиков и шпионов, среди которых главным был купец Акиндин Чернобай, Батыю, Берке и Чагану стало известно, что князь Андрей копит втайне войско — готовится восстать и перебить татар на русской земле. Но вероломнейшие и хитрейшие из политиков тогдашнего мира — ордынские ханы показывали вид, будто им ничего не известно.

Напрасно Невский наедине отговаривал брата от преждевременного восстания, напрасно грозил ему, раскрывал перед его взором страшную картину неминуемой кровавой резни, если только Андрей поднимется против Орды, — всё было напрасно!

Осквернение Андреем кумыса было только предлогом для татар, это была хитро подстроенная ловушка.

Теперь даже Батый не посмел бы остановить кровавую кару. Да и его потрясло совершённое князем Андреем — на глазах у всех! — поругание священного напитка.

Со всеми ополченцами и дружиной, да ещё с тем небольшим отрядом, что прислал ему третий брат — Ярослав, — Андрей упредил татарское войско на реке Клязьме и не дал татарам совершить переправу там, где они замыслили.

Упорной и кровавой была эта битва на Клязьме. Но против тридцати тысяч русских ополченцев двинуто было триста тысяч татарской конницы, закалённой в сражениях.

Крепко билось русское войско. Ещё оставался под рукой у князя Андрея свежий засадный полк. Но всё тот же предатель-мостовщик Черно-

бай провёл тайным бродом татарское войско на окружение засадного русского полка. И этот полк был окружён и уничтожен, даже ещё не будучи введён в битву.

Это ускорило несчастный исход сражения.

Поражение князя Андрея было полное. Князь Андрей и Дубравка бежали сперва в Новгород, а оттуда — в Швецию.

Татары ринулись губить землю. Хан Чаган приказал: в тех селениях, откуда хоть один ополченец пришёл ко князю Андрею, вырезать не только всех мужчин, но и всех мальчиков, «кто успел дорасти до оси тележной».

Однако не смогли защитить татары предателя Чернобая: вскоре настигла его жестокая кара от руки народа.

Тёмной осенней ночью купчину выволокли на берег Клязьмы и, привязав на шею жерновок, утопили.

— Давай-ка ещё пошарь броду для татар для своих! — прозвучал над предателем приговор безвестных народных мстителей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прошло десять лет. Много воды утекло, а немало и крови. Русский пахарь да горожанин-строитель своим богатырским трудом успели поднять из пепла родные сёла и города. Однако иго тяжкое, истязующее, кровавое иго, по-прежнему тяготело над народом.

Но уже тот, кто стоял сейчас во главе всей Северной и Восточной Руси — человек могучий, бесстрашный, с глубоким умом и беззаветной любовью к родине, — Александр Невский решил, что бьёт час, что пора наконец «шатануть Орду».

После бегства брата Андрея в Швецию Невский получил в Орде ханский ярлык на великое княжение Владимирское. В Новгороде он посадил князем своего юного сына, почти мальчика.

А по существу, и в Новгороде княжил сам Александр.

Невзирая на ордынское иго, Невский всё больше и больше стягивал Русь воедино, объединял её вокруг Владимира Суздальского. «От сего князя Александра пошло великое княжение Московское!» — говорит летопись.

Александр был тогда в полном расцвете богатырских сил: ему исполнилось сорок два года.

...Как никогда, в высшей степени благоприятно для всенародного восстания против Орды складывалась внешняя политическая обстановка. В Германии царил кровавая междоусобная смута: немецкие князья дрались за императорскую корону. Поэтому немецкий рыцарский орден прекратил свои нападения на Русь. Со Швецией же у Александра был подписан длительный мир. Невский заключил союз и с королём Норвегии Гаконем Старым.

Миндовг Литовский, многократно разбитый Даниилом и Александром, запросил мира и породнился с Даниилом Галицким, стали сватами.

В Грузии зрело восстание против татар. И Невский тайно сносился с грузинами.

Но всего радостнее Невскому было то, что наконец-то пошёл развал и в самой Орде. Между потомками Чингисхана — ханом Поволжской орды Берке и ханом орды Персидской Хулагу — кипела вражда, готовая вот-вот разразиться кровопролитием. Надо было готовить силы русского народа к внезапному удару по врагу.

На протяжении целого ряда лет Невский создавал по всему северу Руси под прикрытием непроходимых лесов и болот отборные тайные дружины. Потому-то Александр и находился бес-

престанно в пути между Новгородом и Владимиром. По замыслам Невского, эти дружины его должны были только начать восстание против татар, а там поднялся бы и весь народ.

Было несколько таких гнездовий: на озёрах Онежском, Белом, Кубенском и Лаче; на реках Мологе, Онеге, на Сити, Сухоне, на Двине и на реке Юг.

В городе Великий Устюг у Александра было нечто вроде тайного воеводства. Не зря сажал по северным рекам отряды свои Александр: реки были главными дорогами Древней Руси. Князь рассчитывал, что когда ударит набат восстания по городам и сёлам Владимирщины, то по этим рекам легче всего, быстрее всего его отряды устремятся к Суздалью и Владимиру и поднимут народ.

А ещё больше войска скопил он в Новгороде, вне досягаемости Орды.

Русский народ клокотал. И это клокотание народного гнева чуял своим сердцем Александр.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Да, Настасьин, пора, друг, пора! Время пришло ударить на ханов, — говорил Невский своему юному спутнику, слегка натягивая поводья и переводя коня на шаг.

То же сделал и его спутник.

Лесная тропа становилась всё теснее и теснее, так что стремя одного из всадников время от времени позвякивало о стремя другого.

Прежнего Гриньку Настасьина было бы трудно узнать сейчас тому, кто видывал его маль-

чонкой, на мосту через Клязьму. До чего возмужал и похорошел парень! Это был статный, красивый юноша. Нежный пушок первоусья оттенял его уста, гордые и мужественные. Только вот румянец на крепких яблоках щёк был уж очень прозрачно-алый, словно девичий.

Они поехали рядом, конь о конь. Юноша с трепетом сердца слушал князя. Уж давно не бывал Ярославич столь радостен, светел, давно не наслаждался Настасьин высоким полётом его прозорливого ума, исполненного отваги.

— Да, Настасьин,— говорил Александр,— наконец-то и у них в Орде началось то же самое, что и нас погубило: брат брату ножик между рёбер сажает! Сколько лет, бываючи у Батыея и у этого гнуса, у Берке, я жадно — ох, как жадно! — всматривался: где бы ту расщелину отыскать, в которую бы хороший лом заложить, дабы этим ломом расшатать, развалить скорей державное их строение, кочевое их, дикое царство! И вот он пришёл, этот час! Скоро, на днях, хан Берке двинет все полки свои на брата своего, на Хулагу. А тот уже послов мне засылал: помощи просит на волжского брата. Что ж, помогу. Не умедлю. Пускай не сомневается! — И Александр Ярославич многозначительно засмеялся.— Татаринот татарина биты! — добавил он.

От Настасьина не было у него тайн.

Рассмеялся и Григорий. Грудь его задышала глубоко, он гордо расправил плечи.

— Но только и свою, русскую руку дай же мне приложить, государь! — полушутливо взмолился он к Ярославичу.— Ещё на того, на Чагана, рука у меня горела!

— Ну, уж то-то был ты богатырь Илья Муромец в ту пору! Как сейчас, тебя помню тогдашнего. Ох, время, время!

Невский погрузился в раздумье.

Некоторое время ехали молча. Еловый лес, сырой, тёмный, с космами зелёного мха на деревьях, был как погреб.

Слышалось посапыванье лошадей, глухой топот копыт, позвякиванье сбруи...

И снова заговорил Невский:

— Нет, Гриша, твоя битва не мечом. Твоя битва — со смертью. Ты врач, целитель. Такого где мне сыскать? Нет, я уж тебя поберегу! — Он лукаво прищурился на юношу и не без намёка проговорил, подражая ребячьему голосу: — Я с тобой хочу!

Александр с Настасьиным и четверо телохранителей ехали гуськом — один вслед другому. Вдруг откуда-то с дерева с шумом низринулась метко брошенная петля, и в следующее мгновение один из воинов, сорванный ею с седла, уже лежал навзничь.

В лесу раздался разбойничий посвист.

Настасьин выхватил меч. Охрана миготом нацелилась стрелами в чью-то ногу в лапте, видневшуюся на суку.

Лишь один Ярославич остался спокоен, он даже и руку не оторвал от повода. Он только взглядом рассерженного хозяина повёл по деревьям, и вот громоподобный голос его, заглушавший бурю битв и шум новгородского веча, зычно прокатился по бору:

— Эй, кто там озорует? Полно!

На миг всё смолкло. А затем могучий седой бородач в помятом татарском шлеме вышел на

дорогу. Сильной рукой, обнажённой по локоть, он схватил под уздцы княжеского коня.

— Но-но! — предостерегающе зыкнул на него Александр.

Тот выпустил повод, взгляделся в лицо всадника и хотел упасть на колени. Невский удержал его.

— Осударь? Олександр Ярославич? Прости! — проговорил старик.

— Не надо, не называй меня так. Зови Александр Фёдорович. Будто боярин я.

— Понял, осударь... — И тотчас исправился: — Понял, Олександр Фёдорович.

Тут и Александр узнал предводителя лесных жителей.

— Да это, никак, Мирон? Мирон Фёдорович? — воскликнул он изумлённо.

Мирон отвечал с какой-то торжественной скорбью:

— И звали и величали — и Мирон и Фёдорович! А ныне Гасилой кличут. Теперь стал Гасило, как принялся татар проклятых вот этим самым гасить! У нас попросту, по-христиански, это орудие гасилом зовут.

На правой руке Мирона висел на сыромятном ремне тяжёлый, с шипами железный шар.

— Кистень, — сказал Невский, — вещь в бою добрая! Но я ведь тебя пахарем добрым в давние годы знавал. Видно, большая же беда над тобою стряслась, коли с земли, с пашни тебя сорвала.

— Ох, князь, и не говори! — глухо и словно бы сквозь рыдание вырвалось у старика.

Невского поразило, что в лесном стане народных мстителей — «гасиловцев», как сами себя они называли, — не было никаких землянок, а были крепкие, с двускатной крышей, из брёвен рубленные, настоящие избы.

Мирон-Гасило объяснил это князю очень просто:

— Да ведь не любит русский народ землянки эти! К чистоте привык: и чтобы ему светёлка чистая, и чтобы в баньку сходить, хотя бы и в трущобе лесной.

— Неужто и здесь баню срубили? — спросил Невский.

— А то как же! — отвечал, рассмеявшись, Мирон Фёдорович. — И для тебя с твоими воинами, коли велишь, баньку истопим. Ино, сходи попарься с дорожки, поразомни косточки...

После бани беседовали с Мироном на заваulinке его избы. Вспомнили про первую их давнюю встречу.

Невский впервые встретил этого крестьянина-богатыря десять лет назад на его лесном починке земли, в Переславском княжестве. В ту пору Мирону было лет шестьдесят. Александр тогда заночевал у него. Он и душою отдохнул в те дни в трудовой семье пахаря. Всё ему нравилось там: и сам старик, и его два молодых женатых сына, и обе невестки его, Милава и Настя, под стать мужьям своим — красивые, работающие и сильные.

Вскоре после вторжения татар Невский снова проезжал теми же местами, но увидел там одни лишь обуглившиеся брёвна да клыки каменных печей на пожарище. Что случилось с Мироном и

его семьёй, того никто не мог сказать князю.

И вот от самого Мирона узнаёт он сейчас о страшной гибели всей его семьи, зверски умерщвлённой татарами. А сам Мирон Фёдорович, этот рассудительный и трудолюбивый старик, возделывавший в поте лица свой клочок земли, нянчивший внучат, превратился в неуправляемого и беспощадного истребителя татар — в страшного Гасило.

...Перед сном Гасило пришёл в избу, где расположился Александр Ярославич. Он пришёл предупредить князя, чтобы тот ночью не встревожился, если услышит крики и звон оружия близ лесного их обиталища.

— Поганые хочут этим лесом ехать с награбленным русским добром — баскаки татарские. Разведали молодцы наши... Так вот, хочем встретить злодеев! — сказал старик.

— В час добрый! — отвечал Александр. — А сон у меня крепок: не тревожься, старина.

Однако известие, принесённое Мирonom, встревожило Гришу Настасьина. Он поделился тревогой своей с начальником стражи, и тот на всякий случай усилил сторожевую охрану и велел держать коней под седлом.

Григорий лёг в эту ночь в одежде и при оружии. И когда сквозь чуткую дремоту донеслись до его слуха отдалённые крики и звон оружия, Григорий осторожно, чтобы не разбудить князя, вышел из избы. С крылечка виден был сквозь деревья свет берестяных факелов. Настасьин сел на коня. Начальник стражи послал с ним одного из воинов.

Ехать пришлось недолго. Густой, частый лес преграждал дорогу всадникам. Они спешили,

привязали коней и пошли прямо на свет. Уж пахивало горьким дымком. Лязг и звон оружия и крики боевой схватки слышались совсем близко.

Но когда Настасьин и сопровождавший его воин продрались наконец сквозь лесную чащу и выбежали на озарённую багровым светом поляну, то всё уже было кончено. Сопrotивление татарского отряда прекратилось. Захваченные в плен каратели сгрудились, окружённые мужиками, и похожи были на отару¹ испуганных овец.

Один только их предводитель глядел на русских гордо и озлобленно. Это был молодой, надменный, с жирным, лоснящимся лицом татарин в роскошной одежде. Но оружие у него было уже отнято и валялось в общей куче при дороге. Рядом лежали груды награбленных татарами драгоценностей.

Из татарского отряда было убито несколько человек. Но и из нападавших гасиловцев один рослый и могучий парень лежал навзничь, раскинув руки и без сознания. На голове у него сквозь русые кудри виднелся тёмный кровоподтёк.

Настасьин, едва только оглядел место боя, сразу же быстрым шагом подошёл к поверженному воину и опустился возле него на колени.

Старик Гасило молча посмотрел на княжего лекаря и затем властно приказал:

— Огня дайте поближе... боярину!

Один из лесных бойцов тотчас же подбежал с пылающим факелом и стал светить Настасьину. Григорий взял безжизненно лежавшую могучую руку молодого воина и нащупал пульс.

¹ О т а р а — стадо.

— Жив,— сказал он.— Только зашиблен. Надо кровь пустить, а то худо будет.

С этими словами он поднялся на ноги и направился к своему коню. Здесь он раскрыл свои заседельные кожаные сумки и достал узенький ножичек в кожаном чехле.

Снова склонился над бесчувственным телом воина. У того кровавая пена стала выступать на губах. Грудь вздымалась с хриплым и тяжёлым дыханием...

Теперь все, кто стоял на поляне, даже и пленные татары, смотрели на Григория.

Настасьин обнажил выше локтя мощную руку воина, перетянул тесьмой предплечье — синие кровеносные жилы взбухли на руке.

Григорий вынул из чехла узенький ножичек и одним неуловимым движением проколол набухшую вену. Показалась кровь... Он подставил под струйку крови бронзовую чашечку. Кто-то из воинов удивился этому.

— К чему такое? В чашку-то зачем? — протяжно, неодобрительным голосом сказал он.— Землица всё примет!

На него сурово прикрикнул старик Мирон:

— Мы не татары — хрестьянску кровь по земле расплёскивать! Боярин молодой правильно делает. Умён.

Григорий услышал это; ему сначала захотелось поправить Мирона, сказать, что не боярин он, а такой же мужицкий сын, как и все они, но затем решил, что ни к чему это.

Поверженный воин тем временем открыл глаза. Григорий Настасьин тотчас же с помощью чистой тряпицы унял у него кровь и наложил повязку.

Раненый улыбнулся и, опираясь здоровой рукой о дерево, хотел было встать. Настасьин строго запретил ему.

— Нет, нет,— сказал он,— вставать погоди! — А затем, обратясь к Мирону, распорядился: — Домой на пологу¹ его отнесёте!

Гасило тотчас же приказал исполнить повеление лекаря.

— Стало быть, жив будет? — спросил он Григория.

— Будет жив,— уверенно отвечал юный лекарь.

— Это добро! Всю жизнь будет про тебя помнить! — одобрительно произнёс старик. — Большая же, юноша, наука у тебя в руках: почитай, мёртвого воскресил!.. А это вон тот его звезданул по голове, татарин толсторожий! — чуть не скрипнув зубами от злости и гнева, добавил Гасило и указал при этом на предводителя татар.

Настасьин взглянул на татарина и вдруг узнал его: это был царевич Чаган — тот самый, что с такой наглостью ворвался на свадебный пир Дубравки и Андрея.

Гасило повёл рукою на груди награбленного русского добра, отнятого у татар.

— Ишь ты, сколько награбили, сыродцы! — ворчал Гасило.— Меха... Чаши серебряны... Книги... Застёжки золотые — видать, с книг содраны... Шитва золотая... Опять же книга: крышки в серебре кованом!.. Ох, проклятые!

И, всё более разъярясь, старик приказал подвести к нему поближе предводителя татар. Но Чаган уже и сам рвался объясниться с Миронем. Татарин был вне себя от гнева. Видно было,

¹ Пóлог — широкое, прочное полотнище.

что этот жирнолицый молодой татарский вельможа привык повелевать. Когда его со связанными позади руками поставили перед Гасилой, он так закричал на старика, словно тот был ему раб или слуга. Чаган кричал, что он кость царёва и кровь царёва и что за каждый волос, упавший с его головы, виновные понесут лютые пытки и казнь. Он требовал, чтобы его и охрану мужики тотчас же отпустили, вернули всё отнятое, а сами у хвоста татарских коней последовали бы в Суздаль, на грозный суд верховного баскака хана Китата.

— Я племянник его! Я царевич! — кричал он злым и надменным голосом.

Гасило угрюмо слушал его угрозы и гневно щурился.

— Так... так... Ну, што ещё повелит нам кость царёва? — спросил он, еле сдерживая свой гнев.

— Видели мы этого царевича, как своими руками он мальчонку нашего зарезал!.. Видели мы этого царевича, как он живых людей в избах велел сжигать! — закричали, взглядевшись в лицо татарина, мужики.

Старик Гасило побагровел от гнева.

— Вот што: довольно тебе вякать¹, кость царёва! — заорал он. — Тут, в лесу, наша правда, наш суд! Зверь ты, хитник², и звериная тебе участь! Што нам твой царь? Придёт время — мы и до царя вашего доберёмся. А ты — хватит, повеличался!

И, шагнув к татарскому предводителю, Гасило изо всех сил ударил его кистенём в голову. Чаган упал...

¹ Вякать — отрывисто лаять (обл.). Здесь: болтать вздор, пустяки.

² Хитник — хищник.

Гасило угрюмо слушал угрозы царевича.

Тяжело дыша, страшно сверкая глазами из-под седых косматых бровей, Мирон сказал, обращаясь к Настасьину:

— Этого уж и твоя сила, лекарь, не подымет: богатырска рука дважды не бьёт!

...Утром, беседуя с Невским, Мирон-Гасило похвалил перед ним врачебное искусство Настасьина.

— Да-а...— сказал он со вздохом.— Нам бы такого лекаря, в лесной наш стан. А то ведь, Олександр Ярославич, сам знаешь, какие мы здесь пахари: когда сохой пашешь, а когда и рогаатиной; когда топором тешешь, а когда и мечом!

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

В конце июля 1262 года Невский получил наконец то самое долгожданное известие, о котором он говорил Настасьину: хан Золотой Орды Берке понёс на реке Куре, у стен Тбилиси, неслыханное поражение от хана Персидской орды — Хулагу. Одновременно двинулись на войско Берке грузины и отряд греков, пришедший им на помощь.

Берке едва спасся. Опомнившись от разгрома и позора у себя на Волге, понукаемый знатными, старый хан собрал новую трёхсоттысячную армию и вновь ринулся на Кавказ.

Великому князю Владимирскому Александру Невскому он послал грозное ордынское требование: «Дай мне русских воинов в моё войско!»

Народ русский содрогнулся от гнева и ужаса: на такде ещё ни разу не посягала Орда! Другие народы давали своих сынов в татарское войско,

но русских татары боялись ожесточать до предела.

— Пора! — сказал Александр.

И давно подготовляемое восстание забушевало, как буря. В один день горожане ударили в колокол — и в Устюге Великом, и в Угличе, и в Ростове, и в Суздале, и в Ярославле, и в Переяславле, и во Владимире, и в Рязани, и в Москве, и в Муроме, и в Нижнем Новгороде...

Народ повсюду избивал татарские гарнизоны, татарских наместников — баскаков и бухарских купцов — бессерменов, что взяли на откуп взимание дани на Руси.

В иных городах баскаков и их телохранителей выводили на площадь и здесь рубили им головы.

Широко прокатилось по всем городам и сёлам известие, что сам Невский «велит татар бить».

— Ишь, кровопийцы, разъелися, что хоярки!.. А всё вам мало: ещё и наших парней на войну задумали гнать с собой? Нет, не будет вам русского воина в татарское войско! Бей их!..

Такие крики слышались из разъярённых толп горожан и крестьян, когда они волочили татар на казнь.

Восстание ширилось.

Испуганные ордынские послы поспешили на поклон к Александру. Они привезли ему отмену мобилизации. Но Александр сказал им, что ему не совладать теперь со стихией народного гнева.

— Вы сами видите, послы царёвы, — говорил Невский татарам, — что вся чернь восстала. Они и бояр убивают своих, русских, если они Орде верно служили. Что им сейчас князья!.. Вы сами виноваты зверством своим. До самых глубин взбурлили народ!..

А между тем в своей могучей руке Александр держал весь ход грозного восстания.

— Когда так пойдёт, — говорил он Настасьину наедине, — то нагрянем и на самое Орду! Тряхнём Берку и в самом его поганом логове.

У Настасьина в эти дни словно два огромных крыла выросли за плечами и несли его. Он дивился спокойствию и мужеству Невского.

Но, управляя восстанием, Невский всё же решил показать татарам, будто он старается усмирить народ. На глазах ордынских послов он вышел однажды на крыльцо своего терема к народу и стал было призывать людей к миру с татарами и к повиновению.

Но в ответ Александру раздались такие угрозы и ругательства, такой грянул град камней в окна княжеского терема, что ордынские послы принуждены были спрятаться внутрь здания и стали просить Александра, чтобы он под надёжной охраной ночью вывез их поскорее из города.

Он так и сделал. Без татарского надзора ему было легче действовать. Его дружины возглавили восстание. Оно разрасталось.

...И вдруг от вдовы Батые Баракчины и от своих тайных разведчиков в Орде Невский получил страшное известие: на этот раз до нового сражения между армиями Хулагу и Берке дело не дошло. Берке, утраченный размахом русского восстания, заключил поспешный мир с Хулагу. Хан Берке пошёл на всяческие уступки, даже на унижения перед братом-врагом. Он убедил его, что им немедленно надо объединить свои силы против русских. И теперь, уже союзные, орды Берке и Хулагу каждый миг могли обрушиться на Русь...

И ещё одно тяжкое известие получил Александр.

Отец Дубравки — Даниил Романович, начавший, по тайному уговору с ним, стремительное движение против татар и уже разгромивший хана Маучи под Киевом, вдруг заворотил свои войска обратно: в тыл князю Даниилу ударил литовский король Миндовг, а Даниил-то полагался на него, как на родственника и союзника!

Так рушился великий замысел Невского — поднять разом против татарского ига и Северо-Восточную и Юго-Западную Русь.

— Худо, Настасьин, худо! Лучше бы я живым в могилу лёг!.. Всё пропало!.. Теперь только бы... только бы как-нибудь людей русских спасти от резни, от расправы! — говорил Невский.

Ещё никогда верный друг и воспитанник Невского не видел его в таком глубоком отчаянии.

И даже ему, Настасьину, страшно было в тот первый миг подступить к Александру Ярославичу с каким бы то ни было словом.

Тяжкие думы терзали Александра. Он понимал, что теперь, когда орды хана Берке и хана Хулагу объединились, война против татар будет не под силу истерзанной, опустошённой Руси. Удельные русские князья враждовали между собою. Татары подстрекали их друг против друга. Александр знал, что и под него всячески подкапываются в Орде его двоюродные братья.

На западе и севере снова зашевелились немцы и шведы. Снова вместе с татарами они готовились вторгнуться на русскую землю. Нет, никакой надежды не было устоять в столь неравной борьбе! Невский понимал, что даже и его полко-

водческое искусство и самоотверженная отвага тех, кто станет под его знамя, на этот раз будут бессильны спасти от гибели русский народ...

«Что же остаётся делать? — размышлял Невский. — Послать кого-либо из своих верных, испытанных советников с богатыми дарами в Орду, к хану Берке, чтобы отвести беду, успокоить хана? Нет! Не поверит теперь Берке никакому посольству, никаким хитрым речам, не примет никакую повинную. «А почему, — скажет, — сам князь Александр не прибыл ко мне с повинной? Ведь, — скажет, — он отвечает за народ свой... А почему, — скажет, — князь Александр лучшее войско своё держит в Новгороде?»

И чем больше размышлял наедине Александр, тем яснее становилось ему, что если сейчас бессилен меч, то вся надежда остаётся на его собственное государственное разумение, на его умение беседовать, как должно, с татарскими ханами и умиротворять их.

Никто другой, кроме него самого, не сможет отвлечь на сей раз новое татарское нашествие. «И детей вырежут — кто дорос до оси тележной, — скорбно подумал Невский, и сердце его облилось кровью. — Да! Уж тогда и вовек не подняться Руси. По всем городам татарских баскаков насажают заместо русских князей. А другую половину рыцари да шведы захватят... К чему же тогда и народ русский трудился — и мечом и сохою?»

И Александр принял крутое решение.

— Еду! — сказал он. — Еду перехватить Берке — там, в степях, на Дону. Опять хитрить, молить да задаривать! А когда уже сюда нагрянут, то тогда будет поздно. Тогда сколько ни вали да-

ров в чёрную эту ордынскую прорву, не поможет, покуда кровью русской досыта не упьются. Ну, а если уж суждено мне и вовсе не вернуться оттуда, то... что ж, авось смертью моей и утолятся, а народ не тронут...

ГЛАВА ПЯТАЯ

С приехавшим в Орду Невским на этот раз обошлись, как с преступником, чья вина ещё не расследована. Его томили и томили в Орде, не разрешая отъехать на Русь.

В порыве злобного неистовства хан Берке хотел предать смерти Невского тотчас же, как тот прибыл в его кочевую ставку. И всё ж таки не посмел! Совет татарских вельмож указал ему на три чрезвычайных и грозных обстоятельства.

Во-первых, полномочные послы великого хана Хубилая — Китат и Улавчий, — те самые, что в испуге умоляли Невского остановить восстание, — выдали Александру от имени великого хана особую грамоту. В этой грамоте ханские послы отменяли навечно угон русских юношей в татарское войско; затем они подтверждали снова ярлык Александра на великое княжение Владимирское. И, наконец, в грамоте той самому князю Александру доверялось собирать ордынскую дань.

Казнить после всего этого самовольно князя Александра — означало бы тяжко оскорбить великого хана Хубилая. А в теперешних стеснённых обстоятельствах Берке не мог отважиться на новую ссору — да ещё с самим великим ханом!

Второе: открытым убийством Александра в Орде русский народ не запугаешь, а только ожесточишь.

И, наконец, третье: ведь Новгород-то всё ещё не покорён. Новгородцы строптивы. И как раз в эти дни там собирают войска сын и зять Александра...

Разве покойный отец князя Александра — Ярослав — был казнён в Великой Орде? Нет, но он умер по выезде из неё, в пустыне, ровно через шесть дней после того, как старая ханша Туракина поднесла ему прощальную чашу с вином...

Итак, решено было явной казни Александра Ярославича не подвергать. Но и надо было беспримерно покарать этого могучего и опасного русского князя.

...Совещание об этом, созванное в шатре Берке, длилось уже много времени.

Берке такими словами закончил свою вступительную речь:

— Он мог бы бежать из своей страны подобно брату своему Андрею. Он мог бы укрыться в Новгороде. И вот этот гордый воитель ничего такого не делает, но приходит к нам просить за народ свой. Он сам вкладывает голову в силок! Что заставляет его поступить так?.. Прошу вас: думайте!

Первой высказалась старшая жена Берке — Тахтагань. Это была пожилая монголка с большим и плоским лицом, с которого так и сыпались белила. Ханша уже с утра была пьяной от водки из риса, ячменя и мёду.

— Сделай ему тулуп из бараньих хвостов,— сказала Тахтагань.— И пусть этот князь Алек-

сандр до самой смерти своей седлает тебе коня и отворяет дверь перед тобою!

Она злобно хихикнула и протянула руку за чашкой кумыса.

Старейший из советников хана — князь Егу, сморщенный, с подслеповатыми, большими глазами,— присоединился к мнению ханши.

— Тахтагань-хатунь говорила правильно,— закончил он,— привяжи ему на шею цепь повинения!

— Да, надо оборвать Александру крылья! — прохрипел князь Бурсултай.

— Это не дело — дать ему возвратиться и оставить вину русских, не покарав его! — подержал их третий князь — Чухурху.

И только один-единственный голос в совете послышался в пользу Невского. Это был седой, девяностолетний полководец на покое — Огелай. Он участвовал ещё в самых первых походах Чингисхана, и за это татары особенно почитали его.

Вот что сказал Огелай:

— Искандер Грозные Очи — это человек, который имеет сильное войско и хорошо управляет своим народом. Тебе он исправно бы платил дань, если бы мы сами не озлобили народ русский чрезмерными поборами и требованием русских воинов в наше войско. Александр считает самыми главными врагами своего народа немецких и шведских рыцарей. Так не мешай ему сокрушать государей Запада! Дед твой никогда не убивал сильных государей, если они чтили его. Я кончил...

Чухурху злобно зашипел и долго с насмешкой щёлкал языком в ответ на речь Огелая.

— Какие жалкие слова я сейчас слышал! — вскричал он. — словно старая баба говорила! Ты недостойн доить кобылицу, Огелай, — тебе только корову доить!

Князья и вельможи захохотали. Оскалил зубы и сам Берке.

Тогда, ободрённый этим, злобный Чухурху закончил так:

— И не верь, Берке, тем советникам, которые хотят запугать тебя недоступностью Новгорода. Он лишь в пору дождей недоступен. А как только стужа зимы скуёт льдом реки, озёра и болота — наши кони легко достигнут этого города, и ты овладеешь им. А рыцари-немцы помогут тебе с Запада.

— Да, мы поможем тебе, великий государь! — послышался голос с чужестранным выговором.

Все посмотрели в ту сторону.

Заговоривший иностранец был ростом великан. У него было лицо европейца, но только непомерно большой казалась и выступала вперёд нижняя челюсть. Он был рыжий, кудрявый, с плешью. На затылке лежала шапочка. Облачён он был, как знатный татарин.

Это был тот самый английский рыцарь ордена Тамплиеров, по имени Пэта, который в нашествие Батыея предводил правым крылом татарских войск, что вторглись в Чехию. Пэта тогда потерпел от чехов поражение. Другого Батый казнил бы немедля на глазах войска, но англичанин был нужен татарам для других дел. Его только отстранили от командования войсками, и он сделался главным советником ханов по делам Руси и Европы.

Берке кивнул головой; сэр Джон Урдюй Пэта заговорил:

— Для могучей шеи князя Александра цепи и колодка будут самым лучшим ожерельем. Но вперёд ослепи его. А тогда заставь приковать его к ручному жёрнову, и пусть он будет одним из рабов твоих, которые мелют муку для шатров твоих!

Видно было, что совет рыцаря Урдюя Пэты пришёлся по вкусу Берке. Однако он молчал. Тогда, чтобы усилить в нём гнев против Александра, рыцарь добавил:

— Братья-рыцари уведомляют меня, что Александр поднимал на тебя грузин.

Лицо Берке сразу покрылось синеватыми пятнами — от гнева.

Казалось, ещё мгновение — и старый хан даст соизволение ослепить Александра. И всё же предостережения Огелая взяли в нём верх.

— Нет, Урдюй, — ответил он со вздохом, — нельзя этого сделать над Александром: это дурно отразится на готовности всех прочих подвластных нам царей и князей приезжать к нам в Орду. Все станут страшиться, что их в нашей благословенной Орде также может постигнуть немилость и внезапная казнь.

Рыцаря не смутил ответ хана.

— Тогда, — сказал сэр Урдюй Пэта, — возьми пример с твоей мудрой бабки — Туракины. Она отравила князя Ярослава медленным ядом, подсыпав его в прощальную чашу вина. Это была чаша почёта — он обязан был её принять. А умер он, как ты хорошо знаешь, через шесть дней после выезда из Большой Орды. И вот гостеприимство осталось ничем не запятанным...

Надвигалась глубокая осень. Шли непрерывные дожди. Вся степь смолкла и потемнела. Берке поворотил свои кочевые орды к Волге — на зимовку.

Но Александра всё ещё не отпускали. Правда, ему не мешали в своём отдельном русском стане принимать гонцов из Владимира и Новгорода и вообще управлять княжествами, ему подвластными. Ему не запрещали выезжать на соколиную охоту в окрестные степи, причём никто из татар в это время не надзирал за Александром. Кругом на десятки вёрст были только свои, русские, и все — на лихих конях.

И вот однажды, когда выехали на соколиную охоту, Григорий Настасьин стал умолять Невского бежать из Орды.

— Александр Ярославич! — взмолился он и голосом и взором, полным слёз.— Погубят они тебя здесь! Беги! Коней у нас много. Коня — сильные. Пока татары хватятся нас, а мы уж далеко будем. Ведь тебя же и народ весь заждался! Бежать надо, Александр Ярославич, бежать!..

— Замолчи! — пылая гневом, закричал на него Александр и резко остановил коня. (Остановил и Настасьин. Они были вдвоём с князем: свита ехала в отдалении.) — И никогда не смей оскорблять и гнать меня такими речами, — продолжал Невский. — Чтобы я бежал? Да они и преследовать меня не станут, татары! Они только этого и ждут. Ещё след коня моего не остынет, а уж триста тысяч этих дьяволов снова начнут резню на Владимирщине... Нет, наводить поганых на землю русскую, на народ свой, не стану... Да

что я с тобой говорю про это! — всё ещё гневно воскликнул князь.— Не твоего ума дело! Знай своё. Ты — врач, ну и врачуй!

Но юношу не запугал гнев князя.

Настасьин обуреваем был страшными подозрениями: он, как врач, стал замечать в лице Александра Ярославича признаки, по которым определил, что татары медленно отравляют его.

— Прости, государь! — возразил Настасьин.— Потому и осмелился заговорить с тобой, что ведь врач я... Знал заранее, что огневаясь, но я должен сказать тебе.

Невский пристально глянул на своего лейб-медика¹, на друга души своей:

— Что худого случилось? Говори!

— Помнишь, государь, — начал Настасьин, — как-то я сказал тебе, что у тебя под глазами опух стал делаться?

— Помню, помню... Так ведь и прошло всё: попил твоих травок каких-то, и как рукой сняло. Должно быть, поясницу простудил на ветру: эти кибитки ихние проклятые...

— Нет, государь, то не простуда была: яд они начали подсыпать тебе в пищу...

Александр Ярославич вздрогнул. Нахмурился. А затем сказал спокойно и презрительно:

— Весьма возможно. Это у них, у татар, в ходу. Ведь знаешь сам: родителя моего покойного зельем опоили в Большой Орде. Теперь за меня принялись... А ведь и как тут уберёжешься? Кумысничать-то с ними то и дело приходится, — продолжал Александр. — То у князя Егу, то у князя Чухурху — у того, у другого: без этого в

¹ Лейб-медик — придворный врач.

Орде русскому князю нельзя и дня прожить.

— Эх, Александр Ярославич...— удручённым голосом произнёс Настасьин.

Оба задумались.

— Ну, а что делать будем, Григорий?— спросил Невский.

— Государь, ты должен дать обещание,— умоляюще произнёс Настасьин,— что ежедневно, и утром и на ночь, будешь принимать из моих рук противоядие. Оно,— пояснил Григорий,— способно уничтожить многие яды!

Затем условились, что если Александра Ярославича позовут на пир к кому-либо из татарских вельмож и придётся поехать к ним, то чтобы всякий раз перед выездом князь принимал из рук своего врача чёрный предохранительный порошок и выпивал болтушку из сырого яичного белка.

С тех пор такой обычай и утвердился между ними.

— А похоже, друг Настасьин, что ты угольком меня угощаешь,— благосклонно сказал однажды Невский, рассматривая разболтанный в кубке чёрный порошок.

И это почему-то вдруг разобидело юношу.

— Государь,— отвечал он важно и гордо,— уж в моём-то деле дозвожь мне...

Он не договорил.

Невский рассмеялся.

— Полно, полно, Гриша!— сказал он ему, ласково кладя руку на плечо.— Я тобою, лекарем моим, свыше всякой меры доволен. Ты воистину у меня Гиппократ!¹

¹ Г и п п о к р а т — знаменитый древнегреческий врач V—IV вв. до н. э.; его называют «отцом медицины».

Однако в какой мере доволен был своим врачом Александр, в той же мере злился и гневался на своего медика Берке. Личным врачом хана Берке был старик из племени тангутов. О нём ходили легенды. Рассказывали, что старик знает целебные и ядовитые свойства всех трав и минералов. Говорили, что ещё сам Чингисхан некогда, после победы над тангутами, отнял этого лейб-медика у тангутского царя и за это отказался от всякой другой дани с побеждённых. Потом от Чингисхана этот придворный лекарь перешёл по наследству к любимому внуку Чингиса — к Батыю. А уж после кончины Батыя — к Берке. Берке не расставался даже и в походах со своим лейб-медиком. Но ценил он в нём вовсе не лекаря, а... отравителя...

Когда Берке хотел, не прибегая к явному убийству, убрать опасного врага или кого-либо из знатных, кто подвергся ханской опале, он отдавал тайное повеление старому тангуту, и ханский приговор совершался.

У этого тангута были яды, которыми он мог умертвить свою жертву на любой день — и через неделю, и через две, и даже через полгода: как только повелит хан.

И вот впервые старый отравитель обманул доверие Берке — впервые замедленная отравка не действовала на того, над кем прозвучал тайный приговор хана.

Наедине, в спальном шатре своём, разъярённый Берке схватил лекаря за его длинную острую бородёнку и рванул её.

— Ты, старый ишак! Ты лжец и самозванец! — визгливым, злобным голосом кричал хан.— Ты обещал мне, что уже через месяц Алек-

сандр не сможет сесть на коня. Так знай же, неведжда и обманщик: вчера этому князю Александру, в его русский стан, привели бешеного коня, ещё не знавшего подков, и Александр собственной рукой укротил скакуна и умчался на нём в степь... Я прогоню тебя! Я тебя пастухом овец сделаю!..

Голова перепугавшегося старика моталась из стороны в сторону.

Наконец Берке отпустил его бороду. И старый отравитель с низким поклоном заговорил:

— Прелестный повелитель, нет, я не обманывал тебя. Я видел сам — уже болезнь стала показывать ему своё лицо. Быть может, и ты заметил, хан, когда призывал к себе русского князя, что под глазами его виднелась уже припухлость. И вдруг всё это бесследно исчезло!.. Напрасно я умножал яды — они не оказывали действия... Хан, прости твоего раба, но разве есть на свете

такие яды, против которых природа и мудрость медика не нашли бы противоядия? Князя Александра спасли!

— Как?! — в злобном удивлении прошипел Берке. — Кто же осмелился? И кто же смог это сделать?

Оглянувшись, хотя в шатре они были одни, отравитель прошептал едва не на ухо хану какое-то имя.

Тот в изумлении отшатнулся.

— Ты бредишь, старик! — вскричал он. — Как?! Этот русский юноша, едва вышедший из поры отрочества, — и это он смог сделать всю твою прославленную мудрость бессильной?! Стыдись! И это говоришь мне ты, которого чтит сам дед мой — великий воитель?!

Отравитель удручённо покачал головой.

— Нет, мне не стыдно, великий хан, потерпеть поражение от такого соперника, — отвечал старик. — Никто другой из медиков не нашёл бы — и столь быстро! — средства против отравы, которою я отравил князя Александра. Но этот — нашёл! И отсюда я сделал вывод, что если этот юный медик русского князя войдёт в зрелые годы, то он станет вторым Авиценной!¹ Только этот великий врач знал в юности столь много!..

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Невского изнуряла в Орде не только чёрная ханская неволя, не только то, что он был оторван от всего родного, русского, но ещё и неизбежные

¹ Авиценна — таджкский учёный, философ и врач X—XI вв.

татарские гости. Душу выматывали, а не только одни подарки все эти батыри и вельможи.

А прогнать их было никак нельзя: тот — «князь правой руки», тот — «князь левой руки», третий же — царевич, а четвёртый — «дышит в самое ухо повелителя».

И приходилось, ради блага и пользы своего народа, не только принимать незваных, но и подчас самому зазывать на угощение, одаривать и терпеть их гнусные беседы.

Как изнуряли они князя!

Вот хан Чухурху, лютый и явный враг русских, только что советовавший Берке предать Невского самой ужасной казни, тут, сидя на коврах в шатре Александра, целует его в плечо и, якобы сочувствуя, говорит:

— Ай, ай, князь! Когда я услышал, сердце и печень мои стеснились: Берке хочет приказать тебе умереть, не показав крови!

Это означало, что Александра задушат тетиною лука.

Приходит другой гость — князь Егу. Вот он жрёт жирный плов, захватывая его двумя китайскими костяными палочками, пьёт кумыс, рыгает и говорит Александру:

— Всё хорошо, Искандер, всё хорошо: ты вынес душу свою из бездны гибели на берег спасения! Хан простил тебя — ты будешь в ряду царевичей посажен!

Но через день-другой снова является тот же самый Егу и с таинственностью, с оглядкой шепчет Александру:

— Ой, князь Искандер, совсем худо! — и закрывает глаза и долго молчит — нарочно, чтобы

помучить Александра. — Совсем худо: над всеми над нами взял верх этот злой рыцарь Урдюй Пэта. Он вложил в уши хана совет погубить тебя навеки. Берке решил не убивать тебя, но тебя ослепят, и ты будешь до конца дней твоих молоть ханским жёнам ячмень на ручных жерновах и носить волосяную верёвку на шее.

Волосяная верёвка означала рабство.

Невский знал от вельмож, задаренных им, что рыцарь-предатель Джон Урдюй Пэта и впрямь добивался для него той лютой и позорной казни, о которой говорил Егу. Временами, когда Александр оставался с глазу на глаз со своим верным Настасьиным, из груди его исторгался глухой вопль гнева и душевной муки:

— Полгода... полгода истязают, проклятые! Доколе смогу терпеть? А тут ещё хозяина радушного из себя творить перед ними... Кумысничать с ними, под своим кровом принимать... О-о! Люто мне, Григорий!

Настасьин утешал князя. А у самого слёзы скорби и гнева кипели.

— Перетерпеть, государь! Что ж больше делать остаётся! Сам ты учил меня: за отечество всё перетерпеть!

— Знаю, Настасьин, знаю! — отвечал ему Александр. — Да хотя бы не видеть у себя под кровом эти дьявольские образины!

— Нет, государь, — возразил ему Григорий Настасьин, — и здесь я супротив тебя буду слово молвить. Уж лучше к нам сюда зазывай их: здесь хоть не подсыпят яду в пищу. А там, у них, что захотят, то и сотворят.

Следуя доброму совету Настасьина, Александр Невский привык в своём ордынском толении совершать перед сном непременно прогулку верхом.

Вот и сейчас он стоял перед серебряным полированным зеркалом, которое висело на одной из решетин кибитки, и поправлял на себе невысокую княжескую шапку — с бобровой опушкой и плоским верхом из котика.

Вот уж он натянул на свои богатырские руки ездовые длинные кожаные перчатки с раструбами. Теперь только сесть на коня...

В это время в шатёр князя вошёл Григорий Настасьин.

— Государь, — обратился он к Невскому, — там опять заявили к тебе бояре татарские. Двое. Ждут.

Александр нахмурился:

— А, пёс бы их ел! Покоя от них нету. Вот уже и на ночь глядя приходиться стали!.. Ладно, скажи: пускай войдут.

— А мне, Александр Ярославич, остаться с тобой или как? — спросил Настасьин.

— Тебе? Нет, зачем же! — отвечал Невский. — Ступай в шатёр свой — отдохни. Ведь ныне я этих гостей потчевать не стану: стало быть, не опасно. Стража рядом... Пойди отдохни, Гриша.

И Настасьин ушёл.

...В шатёр князя вступили двое. При слабом свете свечей Невский не сразу мог рассмотреть, кто из татарских вельмож стоит перед ним.

Один из них был исполинского роста. Входя в

шатёр, он принуждён был чуть не вдвое согнуться. Да и могуч был — плечи как брёвна.

Другой — худенький, маленький. Оба — в татарской одежде знатных: в шёлковых стёганных халатах, в расшитых яркими цветами шапках-малахях.

Невский, по обычаю гостеприимства, приветствовал их и пригласил было садиться на подушки, разложенные по ковру. Заговорил он с ними по-татарски, уверенный, что перед ним татары, и назвал их князьями.

И вдруг Александр признал в этих татарских вельможах тех двоих людей, которые всегда были в его глазах не людьми, а самыми гнусными, ядовитыми гадами, от которых так и смердило изменой: оба они были рыцарями, изменившими своему народу. Великан был сам Джон Урдюй Пэта, а спутник его — тоже рыцарь ордена Тамплиеров, только немец, — Альфред фон

Штумпенгаузен. Оба они за деньги продались татарам и по существу были татарскими шпионами.

Невский поднял перед ними правую руку, запрещая им садиться.

— О, нет, нет, нет! — грозным и презрительным голосом проговорил он. — Я обозначился. Для псов у меня трапезы нет! А вон там, возле поварни, корыто стоит — если голодны, прошу вас туда пожаловать...

— Князь! — надменно воскликнул Пэта. — Ты раскаешься: в моём лице ты оскорбляешь советника ханского и вельможу!

— Ряженных я не звал: ныне не масленая неделя! — ответил, уже с трудом сдерживаясь, Александр. — Ну? Вон отсюда!

Штумпенгаузен мигом выбежал из шатра. Но рыжий гигант остался на месте.

— Меня не испугаешь, князь, — сказал он. — Я — Пэта! Не кичись: здесь ты раб! Я же свободен. Захочу — и Берке прикажет завтра же удавить тебя тетивою!.. Дай пройти! — И Джон Урдюй кулаком толкнул Невского в плечо.

На миг словно кровавое полмя закрыло свет перед глазами Александра.

— Собака татарская! — во весь голос выкрикнул он, уже не помня себя от гнева.

И рукой в кожаной перчатке — кулаком, от одного удара которого дикий степной конь падал наземь, Александр Ярославич ударил Пэту по голове.

Рыцарь был убит наповал...

— Ну вот, — тяжело дыша, проговорил Невский, — и без тетивы обошлось...

Кровь стучала в висках, его пошатывало. Он

вышел из шатра. Вороной конь рвал копытами землю... Александр вскочил в седло и принял из рук воина повод.

— В шатёр мой не допускать никого! А я скоро буду, — отдал он приказание шатёрной страже и поскакал.

Со свойственной ему быстротой соображения, Александр, уверенный, что рыцарь Пэта убит им насмерть, понял, что надлежит ему сделать сейчас. Надо опередить Альфреда Штумпенгаузена и первым сообщить начальнику ханской стражи о том, что произошло. Тогда, согласно законам самой Орды, Александру не грозило почти ничего. Князь, платящий дань, был в своём становище как бы на куске своей собственной земли. Он мог, не спрашивая соизволения хана, творить суд и расправу над своими подданными, которые прибыли вместе с ним в Орду. Он мог принять или не принять любого из татарских вельмож, если только они не от самого хана были посланы. И если, наконец, в случае кровавого столкновения князь-данник мог доказать, что убитый им татарин вторгся к нему сам и оскорбил его, то, по закону Орды, чужеземный князь не подлежит за это взысканию.

Вот почему Невский и мчался к татарскому стану, не щадя своего вороного коня.

глава девятая

Александр принуждён был вернуться, не застав бакаула — главного начальника ордынской стражи. В татарском стойбище было что-то тревожно — усилены караулы, несколько раз князя останавливали и не хотели пропускать дальше, к

ставке Берке. Впрочем, для Орды с наступлением ночи такое состояние тревоги было делом обычным: Берке постоянно опасался покушений на свою жизнь и часто проверял бдительность охраны. И в эту ночь главный начальник стражи всего стойбища был вызван в ставку Берке. А туда пробраться ночью нечего было и думать. Ещё при Чингисхане установился закон, что если ночью неподалёку от ставки хана будет задержан человек без пропуска и не вызванный к хану, то надлежало, даже не спрашивая, кто он и зачем, «рубить ему плечо», хотя бы это был один из царевичей.

Александрю не оставалось ничего больше, как вернуться и подождать до рассвета.

Когда Александр вступил в шатёр свой, он оцепенел от ужаса: труп рыцаря Пэты исчез!

Да ведь не мог же рыцарь ожить! А если бы даже и произошло такое немыслимое, то не мог же он выползти из шатра князя незамеченным...

Александр позвал стражу; вошли два воина и с ними — шатёрничий.

— Кто без меня входил в мой шатёр?— грозно спросил их Александр.

И боярин, ведавший княжескими шатрами, и оба воина сперва стали клясться, что никто не входил. Вдруг один вспомнил, что лекарь княжий Григорий был впущен ими:

— Да ведь он, княже, всегда к тебе за всяко просто входил, ну мы и ничего... Думали: не про него шла речь...

Александр Ярославич уже и не слушал их больше. Ужас и скорбь обуяли его. Всё, всё стало ясно ему!

— Гринька, безумец ты мой, что ты наде-

лал? — вырвался у него скорбный вопль, и Александр Ярославич закрыл ладонями лицо.

Невский осмотрел войлочную боковину шатра. Ну, так и есть! Вот даже и снежок намело снаружи в этом месте из-под плохо опущенного войлока: здесь-то, значит, и выволок Настасьин тело убитого Урдюя Пэты. А там что ж?.. Взвалил на коня, да и поспешил под кровом ночи вывезти подалее куда-нибудь в степь. Своя, русская стража могла и не остановить: каждый воин знал княжего лекаря в лицо. Настасьина любили в войске.

«Да!.. Бедный, бедный Григорий! Гринька ты мой... вся душа твоя тут сказалась — в безумном деянии этом,— думалось Александру.— Вошёл ты в шатёр... увидел эту злую пададь... понял, кто его умертвил, и страшно... страшно стало тебе за меня — и решил спасти меня... Ох, безумец, безумец ты мой, что ты наделал!»

Александр Ярославич немедля вызвал самых надёжных и молчаливых из числа дружинников своих и повелел им, не щадя сил и в глубокой тайне, обшарить разъездами всю овражистую степь между русским станом и татарским стойбищем.

И десятки русских конников — попарно — помчались на розыски Настасьина...

глава десятая

Но Гриша Настасьин в это время уже был схвачен в степи конным дозором татар. Его подкараулили и схватили как раз в тот самый миг, когда он приготовился сбросить в овраг тело убитого Пэты.

— Ты убил? — закричал на него начальник ордынской стражи, когда Настасьина доставили к нему на допрос.

— Я,— спокойно отвечал юноша.

На дальнейшем допросе он рассказал, будто рыцаря Урдюя Пэту он убил в запальчивости за то, что тот оскорбил его, Настасьина. А опомнившись, решил, дескать, скрыть следы своего преступления. На этом своём показании он стоял твёрдо.

Согласно законам Чингисхана, чужеземец, умертвивший ордынского вельможу, подлежал смертной казни немедленно. «Если,— гласил этот закон,— убийство было совершено после заката солнца, то убийца не должен увидеть восход его!»

Так бы всё и произошло, но начальник ордынской стражи видал этого русского юношу в свите князя Александра и знал, что это личный врач князя. Поэтому решено было доложить обо всём самому хану Берке, вопреки строгому запрету беспокоить хана ночью.

Сперва разбуженный среди ночи Берке злобно заорал, затопал ногами на своего дворецкого, пришедшего будить хана, стал грозить ему всякими ужасами. Но ему ещё раз со страхом повторили, что этот преступник, приведённый на его суд, не кто иной, как лейб-медик Александра,— тот самый медик, которого старый тангут сравнивал с Авиценной и против которого признавал своё бессилие. И тогда старый хан почувствовал злобную радость в сердце.

Хан Берке был не способен перенести, чтобы у кого бы то ни было из окрестных государей, князей был в их соколиной охоте сокол или кречет

резвее, чем у него. И те, кто знал об этом и хотел угодить верховному хану Золотой Орды, приносили ему в дар своих лучших охотничьих птиц.

...В ту памятную ночь, когда впавший в неистовую ярость Берке тряс за бороду своего тангута-отравителя и вырвал у него признание, что против Настасьина он бессилен, хану долго не спалось. Как? У русского князя его личный медик бесконечно превышает познаниями прославленного медика, который обслуживает его самого, Берке! Не есть ли это позор ханскому достоинству — такой же, как если бы чей-либо крик взвился выше и сильнее бил птицу, чем ханский крик?

И вот сейчас пред ним предстанет этот самый чудесный юноша-врач, предстанет, как преступник, обречённый на казнь. И в злобной радости, в предвкушении полного торжества своего, хан Берке немедленно приказал одеть себя, а затем ввести Настасьина.

Настасьина ввели в его шатёр со связанными руками.

Он молча поклонился хану, восседавшему на подушках, брошенных на ковёр.

Берке отдал приказание после тщательного обыска развязать юношу. Рослые телохранители стояли по обе стороны шатёрного входа и по обе стороны от Берке.

Настасьин спокойно оглядел хана. Берке был одет в шёлковый стёганный халат зелёного цвета, с золотой прошвою. На голове — шапка в виде колпака с бобровой опушкой. Ноги старого хана в мягких, красного цвета туфлях покоились на бархатной подушке. Берке страдал неизлечимыми язвами ног...

Настасьина поразило сегодня лицо Берке. Ему и раньше приходилось видеть хана, но это всегда происходило во время торжеств и приёмов, и щёки Берке, по обычаю, были тогда густо покрыты какой-то красной жирной помадой. А теперь дряблое лицо хана ужасало струпьями и рубцами.

Не дрогнув, повторил Настасьин перед ханом своё признание в убийстве.

— А знал ли ты, — прохрипел Берке, — что ты моего вельможу убил?

— Знал.

— А знал ли ты, что, будь это даже простой погонщик овец, ты за убийство его всё равно подлежал бы смерти?

— Знал, — отвечал Настасьин.

Воцарилось молчание. Затем снова заговорил Берке.

— Ты юн, — сказал он, — и вся жизнь твоя впереди. Но я вижу, ты не показываешь на своём лице страха смерти. Быть может, ты на господина своего надеешься — на князя Александра, что он вымолит у меня твою жизнь? Так знай же, что уши мои были бы закрыты для его слов. Да и закон наш не оставляет времени для его мольбы. Ты этой же ночью должен умереть. Говорю тебе это, чтобы ты в душе своей не питал ложных надежд...

Настасьин в ответ презрительно усмехнулся.

Берке угрюмо проговорил что-то по-татарски.

Стража, что привела Настасьина, уже приготавлилась снова скрутить ему руки за спиной и вывести из шатра по первому мановению хана. Но Берке решил иначе.

— Слушай, ты, вместивший в себе дерзость

юных и мудрость старейших! — сказал старый хан, и голос его был проникнут волнением. — Я говорю тебе это — я, повелевающий сорока народами! В моей руке — законы и царства! Слово моё — закон законов! Я могу даровать тебе жизнь. Мало этого! Я поставлю тебя столь высоко, что и вельможи мои будут страшиться твоего гнева и станут всячески улаживать тебя и класть к ногам твоим подарки!.. Оставь князя Александра!.. Он обречён... Своими познаниями в болезнях ты заслуживаешь лучшей участи. Моим лекарем стань! И рука моя будет для тебя седалищем сокола. Я буду держать тебя возле моего сердца. Ты из одной чаши будешь со мной пить, из одного котла есть!..

Презрением и гневом сверкнули глаза юноши.

— А я брезгую, хан, из одной чаши с тобой пить, из одного котла есть! — воскликнул гордо Григорий Настасьин. — Ты — кровопиец, ты кровь человеческую пьёшь!

Он выпрямился и с презрением плюнул в сторону хана. Грудь его бурно дышала. Лицо пламенело.

Все, кто был в шатре, застыли от ужаса. Наступило напряжённое молчание.

Берке в ярости привстал было, как бы готовясь ударить юношу кривым ножом, выхваченным из-за опояски халата. Но вслед за тем он отшатнулся, лицо его исказилось подавляемым гневом, и он сказал:

— Было бы вопреки разуму, если бы я своей рукой укоротил часы мучений, которые ты проведёшь сегодня в ожидании неотвратимой смерти!.. Знай же: тебе уже не увидеть, как взойдёт солнце!

Юноша вскинул голову:

— Я не увижу — народ мой увидит! А вы погибнете, глухое вы царство и кровавое!..

...Эта ночь была последней в жизни Настасьина.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ещё свыше месяца протомили Александра в Орде. А когда несомненным стало для Берке и для его старого отравителя, что Невский занемог от медленно действовавшего яда, которым теперь уже без всякой помехи отравляли его, то князь был отпущен.

Однако с глазу на глаз Берке всё ж таки пригрозил своему медику.

— Берегись! — сказал хан. — Если только князь Александр доберётся до Новгорода, то я велю зашить тебя в шкуру волка и затравить собаками!

— Нет, государь, — ответил с подобострастными поклонами отравитель. — Александр-князь сможет отъехать от черты благословенных орд твоих не далее, чем покойный отец его смог отъехать.

На этот раз тангут не ошибся. Смертельный приступ, вызванный отравой, свалил Александра в Городце на Волге.

Это произошло на ночлеге в монастыре. Напрасны оказались все усилия учёного лекаря из числа монахов: Александр умирал и знал, что умирает...

По обычаю князей русских и ему на смертном одре надлежало снять княжеский сан свой и принять схиму — постричься в монахи. Александр

видел, как тесная келья наполняется монахами в чёрных одеяниях, и понимал, что это означает.

Вот и самая схима — чёрная длинная монашеская мантия и куколь, чёрный островерхий наголовник с нашитым спереди белым крестом, — уже лежит наготове.

Старик — настоятель монастыря присел на табурет возле умирающего и начал было говорить ему предсмертные утешения и увещания.

Невский с досадой поморщился, приподнял исхудалую руку и остановил монаха.

— Полно, отец честной! — негромко произнёс он. — Не утешай меня: смерти я не страшусь. Смерть — мужу покой! Всю жизнь я с нею стремя в стремя ездил...

Он умолк. Монах сидел возле его постели и шептал молитвы.

Могучие дружинники, допущенные проститься с князем, стояли неподвижно, понуро.

Александр посмотрел на них. По лицу его прошла тень улыбки. Затем лицо его стало опять суровым.

— Отец честной,— снова обратился он тихим, но властным голосом к старцу,— повремените ещё немного: скоро в а ш буду!.. А теперь дайте мне в последний раз с моими воинами побыть, проститься... Пускай отцы святые выйдут на малое время, оставят нас одних.

Настоятель подчинился предсмертному велению князя и вместе с монахами молча покинул келью.

Остались только воины. Они сомкнулись вокруг умирающего. Послышались тяжёлые мужские рыдания.

Александр вздрогнул и нахмурился.

— Кто это там? — прикрикнул он на дружинников.— Пошто рыдаете надо мной? Зачем душу мою надрываете жалостью? Полно!..

Рыдания смолкли. И тогда Александр Ярославич, тот, кто ещё при жизни своей был наименован от народа — Невский, обратил к воинам своим предсмертные слова. Он звал их не щадить жизни и крови своей за отечество, не страшиться смерти...

— Об одном, орлята мои, скорблю,— сказал он,— об одном скорблю: не сломлено ордынское иго!.. Борозда моя на русской земле не довершена. Раньше срока плуг свой тяжкий покидаю...

Тяжёлые, неисчислимы жертвы принёс народ русский в борьбе против монголо-татарского ига. Казалось, нет и не будет на свете той

силы, которая могла бы разбить татарские полчища и свергнуть иго Орды.

Но вот минуло сто лет — и русское народное ополчение, во главе с одним из потомков Александра Невского, с Дмитрием, князем Московским, в кровавом побоище уничтожило трёхсоттысячную ордынскую армию хана Мамаю в верховьях Дона.

Это была победа всего русского народа. Не дружины князей одолели в Мамаевом побоище — нет, но небывалое, огромное народное ополчение, в сто пятьдесят тысяч, двинула на врагов русская земля под знаменем Москвы. Крестьяне-пахари и простые горожане — вот кто явился главной силой в той неслыханной битве, переломившей хребет Орде!

Недаром же перед началом сражения князь Дмитрий Донской особо воззвал к людям «молодшим», к «сыновьям крестьянским от мала до велика»...

Мамаево побоище было закатом могущества Орды.

А для русского народа всходило солнце — поднималась Москва!

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

*Ваши отзывы об этой книге
присылайте по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Для начальной школы

Алексей Кузьмич Югов

ОТВАЖНОЕ СЕРДЦЕ

Историческая повесть

ИБ № 4925

Ответственные редакторы С. П. Мосейчук и Т. Н. Терехова. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор Г. Г. Рыжкова. Корректоры О. И. Иванова и Ж. Ю. Румянцева. Сдано в набор 13.07.83. Подписано к печати 26.12.83. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. ки.-журн. № 2. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,88. Усл. кр.-отт. 6,3. Уч.-изд. л. 4,46. Тираж 200 000 экз. Заказ № 3467. Цена 35 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополномерных форм «Целлофот»

Алексей Кузьмич Югов (1902—1979) — известный советский писатель, историк, публицист и литературовед, врач по образованию. Его перу принадлежат статьи и очерки, исторический роман из эпохи XIII века «Ратоборцы», историко-революционная эпопея «Страшный суд» о становлении Советской власти в Сибирь и другие. Писатель перевёл и составил научный комментарий к «Слову о полку Игореве»; вопросам русского языка посвящены его книги «Судьбы родного слова» и «Думы о русском языке».

Большая и многогранная работа А. К. Югова в области литературы была отмечена орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта» и многими медалями. Диалогия А. К. Югова «Страшный суд» удостоена Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Историческая повесть «Отважное сердце» — это главы из романа «Ратоборцы», обработанные автором для школьников младших классов. В книге рассказывается о событиях, происходивших на Руси в XIII веке во времена монголо-татарского нашествия, в годы княжения Александра Невского. Александр Невский показан мудрым и дальновидным политиком.

Роман А. К. Югова «Ратоборцы» был высоко оценён общественностью. А. А. Фадеев писал о романе: писатель «впервые открывает эту страницу истории перед многомиллионным читателем, открывает её во всеоружии знания и с присущим ему своеобразным талантом».

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»